

Владимир ДАНИХНОВ

Колыбельная

18+

Новый роман финалиста премий
«Большая книга» и «Дебют»

Владимир Данихнов

Колыбельная

«Книма»

2014

Данихнов В. Б.

Колыбельная / В. Б. Данихнов — «Книма», 2014

Действие книги происходит в безымянном южном городе, «Южной столице», как называет ее сам автор. Город потрясло появление жестокого серийного убийцы, которого в сети уже успели прозвать Молнией: за один месяц он похитил и убил несколько детей, и у следствия нет ни единой зацепки. Чтобы расследовать это дело в город из С.-Петербурга приезжает известный сыщик. Множество судеб, сон и явь, переплетутся в этой странной книге, полной мрачных теней и отменного черного юмора. Новая книга от автора романа «Девочка и мертвецы».

© Данихнов В. Б., 2014

© Книма, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	15
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	26
Глава восьмая	30
Глава девятая	33
Глава десятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Данихнов

Колыбельная

*Ко мне подошла очень бледная Шарлотта и спросила:
– Кто убит?*

Микки Спиллейн «Я сам вершу свой суд»

© Данихнов В. Б., 2014

© ИП Бреге Е.В., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

© Оформление, Брегис Э., 2014

Часть первая

Меньшов

Глава первая

Меньшов работал на предприятии, которое находилось в старом сером здании с пыльными окнами. Летом крыша этого здания нагревалась, как печка, осенью протекала, зимой обрастала снегом и сосульками, а весной снова протекала. Никто не собирался ее чинить. В горшочках на подоконниках росли кактусы: считалось, что они поглощают вредные излучения. Меньшов во время рабочего дня частенько забирался на крышу, чтоб с высоты посмотреть на город. Смотреть, впрочем, было не на что: хрущевки, сталинки и новостройки пялились на Меньшова подслеповатыми окнами, скучные птицы занимались своими скучными делами, а солнце, изнемогая, ползло по выгоревшему небу. Меньшов курил сигарету за сигаретой, чтоб забыть о тоске. В октябре заряжали дожди. Лужи цвета стали лежали на разбитом асфальте, как напоминание о грядущих холодах; по тротуарам брели хмурые прохожие с черными зонтами в руках. Меньшов, чтоб не отличаться, тоже доставал свой черный зонт и плелся на работу, уставившись под ноги как все. Пару раз он пытался выделиться, надев что-нибудь яркое, вызывающее, но на него не обращали внимания, и ему становилось грустно; на следующий день он облачался в свою повседневную одежду. Первый снег выпадал не раньше декабря, почти сразу таял, и тротуары покрывались бурой кашицей. У обочин скапливались ноздреватые холмы из снега и грязи, похожие на чудовищные муравейники. Деревья стояли голые, ветер срывал про- вода.

На работе Меньшов большую часть времени проводил в своем кабинете за письменным столом. Иногда ему приносили бумаги: он их бегло просматривал. Там были одинаковые черные цифры и черные буквы; они никогда не менялись, только прыгали с места на место. Меньшов ставил необходимую подпись, скреплял печатью, которую хранил в специальной картонной коробочке, и отдавал бумаги девушке по имени Людочка. Людочка уносила документы наверх. Лицо у Людочки было каменное. На вопросы она отвечала односложно (если вообще отвечала), потому что жила с мужем, который не любил разговаривать, и сыном, который пошел в отца и свободное время проводил дома за компьютером. Меньшов когда-то хотел завести семью, но вдохновленный примером Людочки передумал.

Незадолго до Нового года Меньшов покупал шампанское и живую елку, всякий раз надеясь, что его посетит новогоднее настроение, о котором он много раз слышал в новостях. Было скучно наряжать елку в одиночестве, и он старался поскорее покончить с этим безотрадным занятием. Приготовив салат оливье, он гасил свет и садился в кресло перед телевизором. В бокале пузырилось шампанское. На елке мигали разноцветные огни. По телевизору шли новогодние передачи. Меньшову казалось, что ведущие этих передач прилетели с другой планеты: они были ненормально веселые среди общей тоски. Меньшов выключал телевизор, сидел в темноте и слушал, как январский дождь колотит по стеклам. Он размышлял о чем-нибудь отвлеченном или совсем ни о чем. Утром просыпался с тяжелой головой. Доедал салат. Выливал выдохшееся шампанское в раковину. Так он встречал каждый год: сначала в смутных надеждах, потом в пустоте несбывшихся мечтаний. Пробовал читать книги, но у персонажей этих книг была слишком насыщенная жизнь: Меньшов не встречал таких в реальной жизни. А от книг с реалистичными героями ему становилось тошно. Он предпочитал беспечно валяться на диване, уставившись в потолок, и размышлять, как живут соседи сверху: может, каждый день играют в настольные игры и устраивают посиделки? На самом деле у соседей была такая

же скучная жизнь, как и у него, и черно-белая кошка, которая целыми днями спала и просыпалась только чтоб попить, поесть и снова уснуть.

У Меньшова был друг по фамилии Чуркин. Они работали на одном предприятии; правда, в разных отделах. Чуркин любил пиво. Кроме того, он любил рассказывать грустные истории из своей жизни. После работы друзья заходили в бар, где в духоте помещения выпивали. После пары кружек, выпитых в гробовой тишине, Чуркин начинал говорить монотонным голосом. В его историях не было ничего особенного, всегда одно и то же: как он родился, как вырос, как сидел за партой, ощущая бессмысленность бытия, а потом, полный необъяснимых надежд, поступил в институт, но и там ничего не изменилось; тогда он забросил учебу и пристрастился к пиву, которое не могло унять его тоску, но хотя бы приглушало восприятие бесплодного мира. У Чуркина был серебряный портсигар, который перешел к нему от деда-фронтовика. Чуркин поведал Меньшову, что дед добыл бесценный артефакт на Великой Отечественной войне. Меньшов не интересовался историей портсигара, как впрочем, и остальными историями Чуркина, но, чтоб не обидеть друга, спросил, как именно это случилось. Чуркин медленно облизал губы, испачканные в пивной пене. Ему не хотелось лишний раз болтать о портсигаре, но он не смог отказать Меньшову и приступил к рассказу.

История началась с того, что Егор Лукич, дед Чуркина, сидит в окопе и пьет водку с каким-то сержантом, а над их головами свистят пули. У сержанта погибла вся семья под Киевом, и он не знает, зачем ему дальше жить. Жена незадолго до войны подарила ему портсигар, потому что сержант никогда не унывал и любил курить. Но вот началась война, жена и сын погибли, и сержант впервые в жизни чувствует уныние; да и курить ему больше не хочется. Он пьет, не обращая внимания на взорвавшийся неподалеку снаряд, и молчит, а Егор Лукич, выпив сто грамм, затевает удалую песню. Сержант смотрит на него и думает: вот настоящий человек, не унывает даже во время страшной войны; значит, портсигар теперь по праву принадлежит ему. Подумав так, сержант дарит портсигар Егору Лукичу. Что касается Егора Лукича, то он пел вовсе не потому, что не унывал, а потому, что кроме этого ничего не умел. Более того, за всю войну он не убил ни одного нациста, потому что от страха за свою жизнь не мог крепко держать винтовку. Он хотел выкинуть портсигар – обладание им приносило ему страдание, – но сержант вскоре погиб под гусеницами фашистского танка, и Егору Лукичу стало жаль серебряной безделушки: все-таки память о человеке, имени которого он не знал, а лица не запомнил. По окончании войны Егор Лукич вернулся в родной город к жене. Жена родила ему сына. Когда сын вырос, Егор Лукич подошел к нему и протянул на ладони портсигар. «Зачем мне это?» – тихо спросил отец Чуркина, которого звали Иван Егорыч. Егор Лукич пожал плечами. Он работал на стройке и вскоре умер, раздавленный балкой, а Ивана Егорыча отправили работать на север, за полярный круг. Иван Егорыч надеялся, что подарок отца сыграет важную роль в его жизни, но портсигар бесцельно провалялся в кармане, никак не отразившись в серых буднях полярной экспедиции. Вернувшись домой, Иван Егорыч женился на некрасивой женщине, которая хорошо готовила борщ. Нельзя сказать, что Иван Егорыч любил борщ. Он вообще не любил есть и ел только для поддержания достаточных сил в организме. Когда родился Чуркин, Иван Егорыч, томимый подспудным чувством утраты чего-то важного, отбыл в неизвестном направлении, но перед этим оставил Чуркину портсигар. Мать Чуркина тосковала об исчезнувшем супруге, но не сильнее, чем тосковала при нем, мечтая о дальних странствиях, о которых читала в приключенческих романах Жюль Верна. Чуркин рос угрюмым, но послушным мальчиком; он безропотно таскал портсигар в кармане. Учителя подозревали, что Чуркин курит, и хотели отобрать дорогую вещь. Однако Чуркин никому не давал семейную реликвию – даже подержать. Он надеялся, что когда-нибудь отец вернется и попросит свой портсигар обратно. Мечтая о возвращении отца, Чуркин садился у окна, где посветлее, и подолгу разглядывал царапины на крышке портсигара, гадая, откуда они появи-

лись: может, отец таскал вместе с портсигаром в кармане ключи и монетки, а может, ничего не таскал, может, эти царапины были всегда и всегда будут.

Услышав эту историю, Меньшов, хоть и не поверил ни единому слову, тоже захотел что-нибудь рассказать. Вообще-то он не собирался ничего рассказывать, но побоялся, что Чуркин обидится, если он не расскажет что-нибудь в ответ. В голове роились куцые воспоминания о мелких проступках, за которые его наказывали в детстве. В них не было ничего достойного рассказа, и Меньшов, сам не зная зачем, начал выдумывать. Он чувствовал, как лживо звучат его слова, и понимал, что Чуркин видит его ложь насквозь, но ничего не мог с собой поделать и врал напропалую. Чуркин же догадывался, что Меньшов врет. Ему было скучно слушать кое-как выдуманную ерунду. Но и подлинную историю из жизни Меньшова ему было бы слушать не менее скучно. Поэтому он кивал, притворяясь, что слова Меньшова задевают его за живое. А Меньшов, сгорая от стыда за свои фантазии, продолжал сочинять. Вскоре он запутался. Попробовал вывести мораль, не смог и увидел, что Чуркин спит. Меньшов замолчал. Чуркин проснулся и тоже ничего не сказал. Так они и просидели в тишине до закрытия бара. В час ночи охранник пошел выгонять припозднившихся посетителей, но за день он слишком устал, поэтому сел за стол, чтоб перевести дух, и уснул, опустив тяжелую голову на дрожащие от напряжения руки. Чуркин с Меньшовым допили пиво и ушли сами.

Подобие радости Меньшов испытывал в день зарплаты. Ему казалось, что деньги внесут разнообразие в унылое течение его жизни. Но радость быстро рассеивалась, когда деньги оказывались в бумажнике. Они ненужным грузом оттягивали карман: Меньшов не знал, на что их потратить. В иные дни он сгорал от стыда, потому что считал, что зарабатывает слишком много, в то время как в глухой провинции дети умирают от тяжелых болезней и голода. Он покупал в супермаркете еду и шел домой гуглить адрес провинциального детдома, чтоб отправить туда купленные по скидке продукты. Однако по дороге ему становилось скучно рыться в Интернете. К тому же он полагал, что еда всё равно не дойдет до несчастных детей, а оседет в желудках жадных воспитателей. Придя домой, Меньшов неторопливо размещал продукты в холодильнике, представляя, как кто-то высший, может бог, рассовывает дни его жизни в своем роскошном небесном рефрижераторе. О детдоме он больше не думал.

Однажды у Меньшова скопилось столько денег, что хватало на хорошую машину. Меньшов хотел колесить по стране: он желал убедиться, что всюду царят пыль и забвение. Возможно, это знание примирило бы его с вечной скукой. Но, прежде чем купить машину, следовало пройти курсы водителей и получить права. Курсы находились прямо напротив дома Меньшова. На этих курсах работала женщина с печальными глазами, соседка Меньшова по этажу. Она всегда вежливо здоровалась с Меньшовым, сталкиваясь с ним возле лифта, и всякий раз заводила скучный разговор об очередном подорожании на рынке, а по субботам угощала Меньшова пирожками с капустой, которые сама жарила в свободное от тоски время. Меньшов боялся, что женщина равнодушна к нему, и если он пойдет на курсы, между ними возникнет связь, которая со временем приведет к браку. Нельзя сказать, что Меньшов дорожил своей холостяцкой свободой, но его тяготил тот факт, что придется рассылать приглашения на свадьбу, арендовать ресторан, смотреть, как дружок пьет водку из туфли, целовать невесту в губы, дрожащие от счастья и ужаса перед первой брачной ночью, а затем половину ночи проверять, кто и сколько подарил денег в бумажных конвертах. Все эти мелочи, которыми он не хотел заниматься, убивали в нем всякое желание идти на курсы водителей. Впрочем, особого желания всё равно не было. В конце концов Меньшов стал откладывать деньги на новую квартиру, а потом и вовсе перестал их откладывать.

Глава вторая

В июле Чуркин попросил Меньшова помочь с похоронами матери. Мать Чуркина, едва сын повзрослел, уехала жить в деревню, чтоб на свежем воздухе доить коров и сеять хлеб. Ничего этого она делать не умела, а учиться не захотела и несколько лет прожила в одиночестве в разваливающейся избушке на краю деревни, едва передвигая ногами от голода и несчастий. Деревенские считали мать Чуркина гадалкой, хотя она никогда никому не гадала и вообще не притрагивалась к картам. Доярка по вечерам приносила ей краюху хлеба и кружку свежего молока. Мать Чуркина отламывала кусок хлеба, делала глоток молока и без сил валилась на кровать, не понимая, что она делает в этом страшном месте. Однажды она легла мимо кровати и ударилась затылком об пол. Из носа у нее потекла кровь, и через несколько дней она умерла. Чуркин, когда узнал об этом событии, пошел на кухню и заварил себе чаю. Он долго сидел перед остывающей кружкой, уставившись в одну точку и размышляя, сколько предстоит забот в связи с похоронами. Ему не хотелось тащить с собой в деревню Меньшова, но он испугался, что если увидит мертвое тело матери, то от груза предстоящих забот повесится; Меньшова же Чуркин воспринимал как шута, который поднимет ему настроение своими нелепыми выдумками даже в самой жуткой ситуации. Обычно Чуркин скучал от меньшовских небылиц, но теперь ему показалось, что они – то единственное, что не дает ему сойти с ума. Поэтому он пригласил друга с собой.

Меньшов ехать не хотел, но прямо отказать не мог. Он решил придумать хороший повод отказать от поездки: такой, чтоб Чуркин не обиделся. Днем на работе ему в голову ничего не пришло, а вечер он провел у телевизора, не желая тратить свободное время на придумывание дурацкого повода. На следующее утро он встал пораньше, побрился, собрал вещи в рюкзак и отправился на вокзал. Чуркин втайне надеялся, что Меньшов не поедет, и был сильно разочарован, когда встретил друга возле билетной кассы.

Ехали долго. Медленный поезд печально тащился по унылой, обожженной на солнце местности. Мимо проносились тополя, клены, акации, березы, ивы, дубы и телеграфные столбы. В задушенном пылью солнечном свете кренились заборы, конвульсивно извивались русла высохших рек. Чуркин резал колбасу, а Меньшов смотрел в окно. В купе оказался третий сосед по имени Иван: простой русский мужик с крупными чертами лица. Он боялся нечаянным словом нарушить беседу Меньшова с Чуркиным, и хоть те всю дорогу молчали, Иван молчал тоже. Он сидел на полке, сложив массивные руки на коленях, и ждал, когда к нему обратятся. Тогда можно начать обстоятельный разговор. Ему было что сказать, потому что он многое повидал на веку. Но Чуркин с Меньшовым не обращались. Чуркин резал сыр, а Меньшов пил водку. Меньшов считал пьянку в поезде постыдным занятием, но всё равно пил и закусывал колбасой, потому что больше заняться было нечем. Колбаса была невкусная. Впрочем, Меньшов вообще не любил колбасу: он ел ее, чтоб не обидеть друга, который старательно готовил закуску; кроме того, иной закуски в купе не оказалось. Впрочем, был сыр – но сыр Меньшов любил еще меньше колбасы. Что касается Чуркина, то он резал колбасу и сыр не потому, что хотел порадовать друга закуской, а потому что боялся, что если ничего не делать, то придется разговаривать. А разговаривать он не желал. Все его мысли были о том, как бы случайно чего-нибудь не сказать и не завязать беседу. Иван, не переносивший тишины, тактично кашлянул. Чуркин с Меньшовым притворились, что не слышат его покашливания. Меньшов закрыл глаза, чтоб выглядеть спящим; кусок недоеденной колбасы вывалился у него изо рта и упал на живот. А у вас колбаса на животе, хотел сказать Иван, но постеснялся обидеть Меньшова неловким замечанием и ничего не сказал. Чуркин порезал всю колбасу и весь сыр и, не найдя другого занятия, начал аккуратно складывать продукты питания в шуршащий розовый пакет.

Поезд остановился на станции провинциального города. Сквозь потрескавшийся бурый асфальт пробивалась квелая трава. Штукатурка со стен облетела. Часы на здании станции стояли. Мертвая кошка лежала на щебенке рядом с мертвым голубем. В вагон, пошатываясь, вошла тощая женщина в очках, с баулом в бледных руках. Ее место оказалось в купе Меньшова и Чуркина. Женщину звали Таня. Иван забрал у Тани баул и поместил его на багажную полку. Таня замерла, как будто от страха перед этим русским великаном, но на самом деле она давно не испытывала ни страха, ни других чувств, а замерла по привычке, выработанной в молодые годы, когда Таня, наслушавшись матери, всерьез опасалась, что ее изнасилуют. Иван ободряюще улыбнулся молодой женщине. Таня села на краешек полки. В вагоне было душно, хотелось пить, но для этого придется просить Ивана достать с полки баул, в котором лежит бутылка минеральной воды. Таня боялась, что Иван в ответ на ее скромную просьбу даст волю гневу и набросится на нее. Она не особенно страшилась изнасилования, но опасалась, что, если Иван сорвет с нее юбку, все увидят, что у нее на трусах сбоку дырочка. Таня корила себя за то, что не заштопала эту дырочку перед поездкой. Иван смотрел на Таню с нежностью, потому что решил, что она скромная сельская учительница. Его мама была учительницей, и он уважал тяжелый труд учителей. Он хотел приободрить Таню, но опасался, что его скромного словарного запаса не хватит, чтоб найти отклик в сердце интеллигентной женщины. Таня, видя, что Иван пристально на нее смотрит, забилась в угол. Она молила бога о снисхождении или хотя бы о том, чтоб никто не заметил дефекта в ее трусах. Вскоре она уснула. Во сне она переходила дорогу и упала в пропасть, из стен которой росли щупальца. Щупальца касались ее обнаженной кожи своими присосками. Иван укрыл Танины ноги краешком одеяла. Ему стало тепло на сердце, потому что сельская учительница отдыхала от забот. Он решил, что ей снится весеннее поле, влажное от утренней росы, или что-нибудь другое, не менее приятное. Про себя он называл Таню фиалочкой, хотя Таня совсем не походила на фиалку. Просто Иван всех женщин, которые ему нравились, звал фиалочками.

Колеса стучали. Чуркин закончил складывать колбасу и сыр в пакет и застыл, не зная, чем заняться. Он увидел колбасу на животе у Меньшова и решил, что Меньшов нарочно положил ее на живот, чтоб рассмешить его. С грустью размышлял он, что его дед в голодное время мог убить за колбасу, а Меньшов, не думая о чувствах других людей, использует сырокопченный продукт ради юмора. Чуркину захотелось учинить скандал, но скандал мог привести к тому, что Меньшов откажется помогать с похоронами. Поэтому Чуркин смолчал. Впрочем, он бы всё равно ничего не сказал, потому что берег голосовые связки для будущих бесед. Он надеялся, что в будущем ему предстоят по-настоящему важные разговоры с разумными людьми, а не с этим быдлом, которое его окружает. Поэтому он притворился, что не видит колбасы, и устался в пол.

Меньшов не спал; рука у него затекла, но он боялся пошевелиться: тогда в купе поймут, что он только притворяется спящим. Поэтому Меньшов лежал тихо и вскоре уснул по-настоящему. Колбаса упала с живота на пол. Иван хотел поднять ее, чтоб накормить какую-нибудь дворнягу, но испугался, что соседи решат, будто он берет колбасу для себя, и передумал поднимать.

Что касается Тани, то она продолжала лететь в пропасть в своем сне.

Глава третья

Ветер прижимал хворые травинки к земле. На холме за оврагом покачивались березки. Солнце беззвучно жарило в вышине. На лугу паслись коровы, кожа да кости, в овраге зарастал бурьяном ржавый трактор. Ворона тоскливо глядела на окружающий мир с кабины трактора. Несчастливая птица попыталась взлететь в последний раз, но силы оставили ее, и она камнем рухнула вниз, в сухие и ломкие заросли. Муравей заполз вороне на глаз, но ей было слишком лениво двигаться, чтоб согнать муравья, и она лежала неподвижно, сохраняя тлеющие угольки жизни внутри своего исхудавшего пернатого тела. Работяги-муравьи штурмовали ворону со всех сторон и вскоре полностью ее облепили.

На станции их никто не встретил, но Чуркин сказал, что знает дорогу. Они спустились по заросшему ромашками склону и углубились в заливные луга. Меньшов не любил сельские просторы, потому что ощущал себя ничтожной букашкой среди огромных пространств. Город он тоже не любил, даже сильнее села, но, находясь в сельской местности, тосковал по многоквартирным домам южной столицы; впрочем, не особо и тосковал. Он хотел рассказать о своих противоречивых чувствах другу, но испугался, что тот в силу душевной черствости не поймет его. Поэтому он стал жаловаться на больные ноги. У Чуркина напряглась спина: он злился.

– Я устал, – говорил Меньшов. – У меня болят ноги.

– Скоро придем, – отвечал Чуркин.

– Но у меня болят ноги, – давил Меньшов. – Я не могу идти.

– Я же иду, – ворчал Чуркин.

– Ты-то идешь! – огорчился Меньшов.

Чуркин тоже устал, но ему не нравилось, что предложение сделать привал исходит от Меньшова. Только он соберется сказать «Ладно, давай отдохнем, Меньшов», как Меньшов начинает ныть о своей усталости и Чуркину приходится отказывать ему в отдыхе. Так повторялось несколько раз. Чуркин вскоре сбил пятки в своих неудобных сандалиях. А Меньшов, будучи в кроссовках, шагал весело и быстро. Справа за камышами шумела река; пахло тиной, квакали лягушки. Меньшов мечтал о рыбалке: сидишь на берегу и удишь, а мир вокруг застыл в грустном оцепенении.

– Хорошо бы порыбачить! – сказал он.

– Что ж в этом хорошего? – со злостью спросил Чуркин.

Меньшов понял, что Чуркин злится, и решил развить опасную тему, чтоб подначить его.

– Поймаю много рыбы, ухи сварю, – сказал он.

Чуркин нахмурился:

– Я поймаю больше рыбы, чем ты.

– А у тебя удочка есть?

Чуркин не знал, что ответить. Он решил, что Меньшов намекает, что Чуркин беден и не в состоянии позволить себе удочку. Дело в том, что Меньшов работал на предприятии меньше Чуркина, но по своему положению поднялся выше и получал больше. Чуркин же, будучи малообразованным, оставался простым монтажником: паял модули и дышал вредными испарениями, лакируя в подвале делители, в то самое время как Меньшов смотрел в окно, чесал затылок и подписывал бумаги, сидя за письменным столом в удобном кожаном кресле. Обычно они не касались этой темы, но Чуркин последние три года со смиреньем ждал дня, когда социальное неравенство все-таки разрушит их дружбу. И вот этот день настал. Чуркин хотел предотвратить катастрофу, но почувствовал себя удрученным и не сказал ни слова. Меньшов же примерно понимал, что творится в душе у Чуркина, и зевал от скуки. Чуркин сел на трухлявый пенек и уставился на реку. Меньшов вытащил из рюкзака шоколадный батончик. Батончик размяк от жары, и Меньшов, подержав батончик в потной руке, сунул его обратно в рюкзак. Чуркин

наклонился поглядеть, что это блесит у него под ногами, но не увидел ничего кроме запекшейся грязи. Меньшов хотел спросить у Чуркина, далеко ли еще до деревни, но промолчал. Казалось, наступило безвременье. От теплого воздуха, напоенного ароматами луговых трав, кружилась голова. «Зачем куда-то идти, когда можно сидеть на берегу и никуда не идти?» – подумал Меньшов, потягиваясь. Чуркин теребил пальцами ремешок наручных часов. Он сунул руку в карман и нащупал портсигар. Ему показалось, что он должен ощутить связь поколений, но – не ощутил. Портсигар нагрелся, рука в кармане вспотела. Меньшов снял кроссовки и намочил босые ноги в реке. Вода казалась невесомой. Интересно, сколько здесь рыбы, подумал Меньшов. Про себя он решил, что рыбу легче купить в супермаркете. Чуркин от скуки выдирает волоски из ноздрей. Острая боль, которую испытываешь, когда выдираешь волосок, раньше приносила ему странное удовольствие. Но со временем удовольствие превратилось в привычку. Меньшов надел кроссовки и спросил, не пора ли идти. Чуркин прикинулся, что не слышит. Меньшов сел на корточки и закрыл глаза, чувствуя, как солнце нагревает веки. Чуркин покосился на Меньшова. Из кустов за ними следил молодой человек по фамилии Танич. Это был маньяк, орудовавший в лесополосе. Он убивал детей из жалости, чтоб они не испытывали в будущем кошмары взрослой жизни. Кроме того, ему нравился звук, с которым он вынимал из мертвых детских тел внутренние органы. Детскую печенку он любил в жареном виде, с золотистым лучком и картошечкой, запивал ее соленым томатным соком, а свежий хлебушек покупал в пекарне, в которой работала его невеста, румяная девушка по имени Настя. Настя после работы оставляла для своего любимого самую лучшую буханку – с воздушным мякишем и хрустящей корочкой. О том, что Танич – маньяк, Настя не знала, хотя нередко читала в газете, что в области без вести пропал очередной ребенок. Дрожа от страха, она заключала Танича в объятия и грозила, что, когда у них родится маленький, она не отпустит ребеночка от себя ни на шаг. Танич радовался Настиней наивности и гладил ее по русой голове, ощущая, что тайна скрепляет их отношения. Танич собирался прожить с Настей долгую счастливую жизнь. Однако в последнее время убийства детей стали рутиной: Танич сильно тосковал. Для разнообразия он решил убить взрослого человека. Какова же была его радость, когда он увидел в лесополосе двух неместных, которые шли неизвестно куда, но, очевидно, с дурными намерениями. Таких, пожалуй, никто не будет искать. Однако с двумя взрослыми мужчинами справиться нелегко. Танич решил подождать, когда они разделятся, а потом уж и убить. Он бесшумно двигался в зарослях, не выпуская из виду Меньшова и Чуркина. Слежка быстро ему надоела, и он прилег на опушке, чтоб отдохнуть. Он лежал на спине, жевал горькую травинку и смотрел в небо, а небо было голубое и обезвоженное – ни единого облачка. Танич представил Настю, как они вместе живут и старятся, и ничего в их жизни не происходит, и до того тошно ему стало на душе от этих мыслей, что он перевернулся на живот и заплакал.

Тем временем Меньшов и Чуркин достигли места назначения. Деревенские жители принимали гостей с распростертыми объятиями. Это были простые, веселые люди. Они жили в разрухе, но не унывали. Этот факт шокировал и Меньшова, и Чуркина. Чуркин ожидал увидеть пустоту и забвение в сердцах деревенских жителей, но ничего такого не было и в помине. Директор продмага номер два пожал Чуркину руку, принес ему свои соболезнования и сообщил, что покойницу успели обмыть и переодеть в новое платье. Кузнец, огромный детина, и его помощник принесли гроб с матерью, поставили его на стол посреди комнаты. Крышка осталась в передней, рядом с обувью. Мать лежала на перине, укрытая простыней, лоб ее украсили венком из пижмы, а на застывшую в неподвижности грудь чья-то заботливая рука положила маленькую фотографию иконы Божьей Матери. Чуркин смотрел на мать и не узнавал. Ей что-то положили под щеки, чтоб они не ввалились, а губы намазали красной помадой. Чтоб успокоиться, Чуркин выпил кружку самогона, потом еще одну и еще. В комнате было душно. Произносились какие-то слова. В полумраке горели свечи. Кто-то всё время покашливал: кхе-кхе. Кто-то плакал. Чуркин с трудом понимал, что происходит. Гроб с матерью подняли и

понесли на кладбище. Откуда-то появились венки. Один из них вручили Чуркину. Чуркин уронил венок и залился слезами. Деревенские женщины наперебой утешали Чуркина, а тот, пьяный в стельку, рыдал в объятиях пышногрудой доярки. Меньшов с тоской смотрел на крестьянские лица, перекошенные от тяжелой работы в поле. Ему хотелось в город, к интеллигентным людям. Кузнец сочувственно хлопал Меньшова по плечу, потому что думал, что тот переживает за друга. Меньшов же переживал не за друга; он не помнил, выключил ли он телевизор, уезжая из дома. Прибыли на кладбище. Гроб установили на две табуретки перед вырытой могилой. Кузнец попытался всунуть Чуркину в руки документы, свидетельство о смерти и прочее, но Чуркин не понимал, что от него требуется, и постоянно ронял бумаги. Директор продмага выступил с короткой траурной речью. Закончив речь, он предложил высказаться и остальным, но никто говорить не захотел. Чуркин бессвязно хрипел, переминаясь с ноги на ногу. Лицо покойницы скрылось под покрывалом. Гроб накрыли крышкой и бережно опустили в яму. Директор продмага и его немой сын приготовили лопаты. Чуркин упал перед ямой на колени: он что-то кричал и рвал на груди футболку. Деревенские стыдливо отводили глаза. Кузнец помог Чуркину подняться. Чуркин был настолько пьян, что уже не помнил, зачем сюда приехал. Колбаса на животе, повторял он, колбаса на животе – вот что это такое. Ему вложили в руку горсть земли и заставили кинуть в яму. Чуркин с удивлением посмотрел на испачканные в грязи пальцы. Мать стали закапывать. Чуркин полез целоваться к доярке. Муж доярки отнесся к горю Чуркина с пониманием и не стал бить ему морду. Чуркина взяли за руки и отвели под старый дуб, в тень. Дали ледяной воды в ковшике. Чуркин большую часть ковшика пролил мимо рта. Женщины причитали, жалея Чуркина; доярка поправляла на голове сбившийся платок. Пожилая Аграфена Петровна отчитывала мужчин, которые споили несчастного городского. Кузнец и директор продмага потупились. Кто-то спросил: продолжать закапывать или погодить? Чуркина рвало в кустах. Аграфена Петровна велела продолжать. У Чуркина спросили, нет ли у него портрета матери, чтоб установить его на могилу. Чуркин в невменяемом состоянии куда-то пошел. Его вернули. Меньшов глядел на этот пьяный разгул со слезами на глазах. Кузнец, видя печальное состояние Меньшова, налил и ему. Меньшов пить отказался. Аграфена Петровна одобрительно кивнула. Что касается Меньшова, то он отказался пить вовсе не потому, что не хотел выпить, а потому, что боялся пить неочищенный самогон. Он и деревенскую пищу отверг, опасаясь, что в ней полно непригодных для жизни глистов. Чуркин кинулся к могиле, оттолкнул кузнеца и свалился в яму. Его вытащили, грязного и облеванного. Сын директора продмага повел Чуркина мыться. Меньшов боялся оставаться наедине с деревенскими и пошел за Чуркиным. Окончания похорон друзья не увидели. Через час в дом директора пришли остальные. Во дворе накрыли большой стол – помянуть. Отмытый Чуркин в чужой застиранной рубашке сидел во главе стола бледный, едва живой и икал. Все ждали от него каких-то слов, но Чуркин ничего не говорил. Тогда начали говорить деревенские. Кузнец сказал, что мать Чуркина была добрая и отзывчивая женщина. Тракторист Лёня отметил, что до самого конца она вспоминала о сыне. Директор продмага заявил, что мать Чуркина помогала ему в магазине. Все знали, что это неправда, но директор врал так убедительно, что многие ему поверили. Доярка, всхлипывая, рассказала, как приносила матери Чуркина молоко и хлеб и как она ее благодарила. Муж доярки прослезился от трогательного рассказа жены. Немой сын директора что-то промычал, и отец перевел его слова. Выходило, что мать Чуркина перед смертью нагадала сыну директора скорую свадьбу и рождение маленького. Внучка Аграфены Петровны зарделась. Аграфена Петровна сказала директору, чтоб он врал, да не завирался.

– Или ты думаешь, что раз директор, то тебе всё можно? – спросила она, подбоченившись.

Раздались смешки, которые, впрочем, сразу утихли. Меньшов с трудом терпел общество этих простых людей. Ему предложили сказать пару слов о матери Чуркина, и он по привычке наврал чего-то, ожидая, что для деревенских и так сойдет. К его удивлению, деревенские не

поверили: они могли поверить любой лжи, если чувствовали, что она идет от сердца, но Меньшов врал не от сердца, а от ума. Аграфена Петровна наклонилась к соседке и прошептала так громко, что слышали все: друг, ишь ты! да в нашей молотилке больше сердешности! Меньшов откинулся на стуле и глядел на деревенских с презрением, притворяясь, что нарочно солгал, чтоб задеть чувства окружающих. Внучка Аграфены Петровны отодвинулась от него подальше. Даже добрый кузнец покачал головой и отвернулся. К Меньшову перестали обращаться. Меньшов же с тоской размышлял о вырождении деревни. Он глядел в загорелые лица крестьян и думал, что их уже ничем не спасти. Ему хотелось как-то помочь погибающему российскому крестьянству, но он понимал, что это утопия.

День клонился к закату. Чуркин поднялся. За столом наступила тишина, потому что все решили, что Чуркин, наконец, скажет что-нибудь о матери. Но оказалось, что Чуркин хочет в туалет. Сын директора проводил его. Чуркин долго не возвращался. Вернулся сын директора и знаками показал, что Чуркин заперся в кабинке и не открывает. Кузнец и тракторист Лёня выломали шпингалет. Чуркин спал на очке со спущенными до лодыжек штанами, голову уронив на грудь. Зеленые мухи кружили над макушкой спящего человека. Его с трудом вытащили: пьяный Чуркин, проснувшись, кричал, что ему надо, чтоб его любили, но мама умерла, и теперь его никто не любит, а ему надо, чтоб его обязательно любили, хотя бы кто-нибудь. Он несколько раз повторил, что ему надо, чтоб его любили. Меньшов с презрением наблюдал со стороны за этим театром абсурда. Могучий кузнец взял брыкающегося Чуркина на руки и понес в дом. Директор продмага распорядился постелить. Рано утром тракторист Лёня отвез друзей в уазике на железнодорожную станцию. За всю дорогу никем не было сказано ни единого слова.

Глава четвертая

После поездки в деревню Меньшов отделился от Чуркина. Они уже не выпивали вместе, а, встретившись в коридорах предприятия, только сухо здоровались. Чтоб чем-то заполнить одинокое существование, Меньшов купил себе айфон. Дома айфон валялся бесхозный. На работе Меньшов клал айфон перед собой на стол, чтоб все знали, что у него есть айфон. Он ждал, что кто-нибудь восхитится по этому поводу, но никто не восхищался. Даже Людочка молчала. Впрочем, она молчала почти всегда. Меньшов сильно тосковал. Ему казалось, что люди в последнее время отупели. А может, не восхищаются айфоном из зависти. Целыми днями он бесцельно слонялся по кабинету в тщетных поисках смысла. Начался сентябрь. Резко похолодало. В пасмурном небе читались тревожные знаки. Люди сутулились, будто их придавило какой-то тяжестью. Меньшов нашел в Интернете информацию о Стиве Джобсе, создателе айфона. Оказалось, это великий человек. Меньшов решил обрести смысл в поклонении основателю компании «Apple». Он всюду рассказывал о гении Стива Джобса. Приписывал ему разные забавные черты, вроде любви к мягким французским булкам и крепкой мужской дружбы с Биллом Гейтсом, создателем операционной системы «Windows». Из слов Меньшова выходило, что Джобс и Гейтс – Моцарт и Сальери современной информационной индустрии. Со временем айфон наскучил Меньшову. К тому же Стив Джобс умер от рака поджелудочной железы, а Меньшов терпеть не мог думать о мертвых. Он спрятал айфон в ящик стола и отдался течению одинаковых серых дней. Окна его кабинета выходили на студенческий парк. В парке под плакучей ивой стояла скамейка с красивой желто-зеленой спинкой. Каждый будний день ровно в одиннадцать часов к скамейке подходила девушка с книгой, чтоб почитать в спокойной обстановке. У нее было сосредоточенное лицо. Локон, похожий на пружинку, всё время падал ей на переносицу, и она машинально поправляла его. В час дня девушка закрывала книгу, вставала и уходила. Это повторялось в течение двух недель. С девушкой было связано какое-то смутное юношеское воспоминание. Возможно, Меньшов видел похожую девушку на старой открытке или еще где-то. При виде нее у него сжималось сердце. Ночи он проводил в холодной постели, уставившись в потолок, весь в мыслях о таинственной незнакомке. Искал повод подойти к ней, но всё время откладывал решающий день. В конце концов незнакомка перестала появляться в парке, и Меньшов забыл о своем спонтанном чувстве. К тому же город взбудоражило появление жестокого маньяка. За один месяц он похитил и убил как минимум двенадцать детей. Меньшов сначала содрогался от ужаса, читая статьи о каждом новом похищении, но потом привык к ним и уже не содрогался. Детей у него не было, а маньяк похищал одних девочек не старше десяти лет.

Чуркин, который и до смерти матери был нелюдимым, стал социопатом. Являлся на работу в грязной одежде: под глазами мешки, носки воняют. Коллег сторонился. Начальник сделал Чуркину замечание. Чуркин обещал исправиться, но на следующий день снова явился в потрепанном виде. Начальник махнул на Чуркина рукой: план по пайкам выполняет – и ладно. Чуркин работал усердно, делал не менее двух тысяч паяков в день, но после работы не задерживался, шел сразу домой. Меньшов догадывался, что в жизни Чуркина появилась какая-то тайна. В нем пошевелилось вялое желание пролить свет на эту тайну, но желание быстро угасло. Он часто видел Чуркина в окно, как тот, сгорбившись, шагает к автобусной остановке. Иногда Меньшов скучал без посиделок с Чуркиным в баре, но, вспомнив, что эти посиделки были гораздо скучнее, чем воспоминания о них, начинал вспоминать что-нибудь другое: например, вчерашний футбольный матч. Меньшов не любил футбол, но смотрел его, чтоб было что обсудить с коллегами в курилке. Не сказать, что Меньшову нравилось разговаривать с коллегами, но он боялся, что если прекратит общаться, то люди подумают, что он такой же нелюдимый, как Чуркин, и директор понизит его. Меньшов даже купил шарф болельщика, чтоб подчерк-

нуть свою приверженность футболу. От шарфа у него потела и чесалась шея, и он спрятал его в стол, поближе к айфону. В квартале от Меньшова жил Кабанов. Жизнь у него была обычная. Жену не любил, маленькой дочери опасался. Когда жену выписывали из роддома, Кабанову вручили сверток с дочерью, украшенный розовой лентой, и он держал его в красных волосатых руках, не зная, куда деваться от неизбежности. Этот маленький сверток перечеркнул детскую мечту Кабанова стать кругосветным путешественником. Впрочем, Кабанов никогда и ничего не делал для осуществления своей мечты. Он плыл по течению жизни с телевизионным пультом в одной руке и бутылкой пива в другой. Жена пилила его, но Кабанов воспринимал ее голос как привычный шум, вроде телевизионных помех. Иногда он бил жену, но не сильно и без злости, скорее от скуки. Дочка любила Кабанова. Научившись ползать, она подползала к отцу, хватала его маленькими ручками за штанину и пыталась что-то сказать. Кабанов смотрел на это нелепое существо с недоумением. На вытянутых руках он относил дочь в другой конец комнаты, а сам возвращался на диван. Дочка смеялась, думая, что папа с ней играет, и снова подползала к нему. Со временем Кабанов научился не замечать дочь. Порой он подкидывал ее в воздух и ловил, но делал это без всяких чувств, просто зная, что отцы иногда так поступают. Дочка хохотала. На щеках у нее появлялись симпатичные ямочки. Когда девочка научилась ходить, Кабанов стал гулять с ней во дворе. Он останавливался поболтать с мужиками, не обращая внимания на маленькое существо, которое старалось заслужить одобрение отца, принося ему то листок, то палочку, то фантик. Кабанов помещал дочь в песочницу, а сам садился на скамейку. Дочь мастерила из куличиков крепость, а потом бежала к отцу и тянула его за рукав, чтоб он посмотрел на ее песочное искусство. Кабанов нехотя шел смотреть. Он видел нелепое нагромождение песка, сухих веточек и кошачьих какашек, а для его дочери это был величественный замок с башенками, балкончиками и развевающимися на ветру флажками. Она хотела поделиться с отцом радостью созидания. Кабанов говорил «да-да, молодец» и гладил дочь по голове. Он делал это без всяких чувств, как запрограммированная машина, а девочка замирала от счастья и тянулась за рукой Кабанова, словно котенок. Кабанов, погладив дочь, шел обсуждать с мужиками какой-нибудь карбюратор. Не то чтобы он хотел поговорить о карбюраторе, но говорить всё равно было не о чем. Дни стояли жаркие, скучные. В неподвижном воздухе было видно каждую пылинку. Осенью мать повела дочь Кабанова в детский сад, и с тех пор они виделись реже. Кабанов сидел на скамейке и тупо глядел в пустое пространство перед собой. Из автомастерской его уволили, и он не знал, куда податься. Пробовал красть продукты в супермаркете, но быстро попался. Хорошо еще, дело вел шурин. Дело замяли, и Кабанов устроился охранником на забытый богом склад, сутки-двое. Сидел в маленькой каморке и тихо спивался, глядя в черно-белый телевизор, на который приходило изображение с камеры видеонаблюдения. Сутки после работы спал, другие сутки бессмысленно сидел на диване. Жена пылесосила вокруг его ног, словно он был мебель. Дочь радовалась, что папа дома, и приносила ему свои рисунки. Кабанов не понимал, что там изображено: какой-то винегрет из цветных пятен. Дочь объясняла, что это, например, козлик. А это, например, уточка. А вот это папа, он держит дочку за руку и ведет ее в парк развлечений. Кабанов вспомнил, что и впрямь водил дочь в парк развлечений. Из семейного похода ему запомнилось, что пиво в парке продавалось теплое и невкусное. Остальные воспоминания утонули в безбрежном океане скуки. Он запрокидывал голову и смотрел в потолок. Потолок пожелтел от времени, надо побелить, но Кабанов не хотел белить; он вообще ничего не хотел. Жена спросила, пойдет ли он на утренник в детский сад: у него ведь как раз выходной. Кабанов ничего не ответил. День утренника он провалился на диване, вдыхая ртом пыль. От бессмысленности происходящего слезились глаза. Он вспомнил, что когда-то в детстве о чем-то мечтал, но не мог вспомнить о чем. Так и не вспомнив, он уснул и не увидел, как вернулась с утренника дочь. На ней было белое платье, в волосах – лента; она немного постояла возле спящего папы и тихонько ушла, чтоб случайно не разбудить его.

О маньяке, который похищает девочек, Кабанов прочел в газете, когда дочь пошла во второй класс. Он долго не мог вникнуть в смысл статьи, а когда вник, решил, что ему всё равно, и лег спать пораньше. Жена возилась с бельем на лоджии. Он хотел уснуть до того, как она уложит свое жирное тело рядом с ним в постель. Обычно Кабанов не запоминал, что ему снилось; он проваливался в серую пустоту сна и выныривал в серой пустоте реальности. Но в ту ночь что-то изменилось. Он проснулся около двух часов ночи, весь в поту, с дрожащими от ужаса губами. У него возникло чувство, что впервые в жизни он проснулся по-настоящему. Рядом спала жена: лицо ее было бледным от усталости. Кабанов, сам себе удивляясь, нежно поцеловал женщину в лоб, трясущимися руками откинул одеяло и встал.

– Ты куда? – спросила жена сонным голосом.

– Воды... – Он закашлялся. – Воды попить.

Жена ничего не ответила, только перевернулась на другой бок. Кабанов пошел в комнату дочери. Замер над ее кроватью. Он слышал в темноте ее слабое дыхание и дрожал от страха, что это дыхание в любой миг может прерваться. Он опустил перед кроватью на колени и погладил дочь по голове, ощущая каждый тонкий волосок и тепло тихой жизни, заключенной в ней. К горлу подступил ком. Грудь налилась свинцом. Боже, шептал он, господи, сохрани ее. Кабанов не верил в бога, он вообще ни во что не верил, но надо же было что-то сказать. Он поправил на дочери одеяло и вернулся в спальню. Не мог уснуть до самого утра. Прислушивался: не зовут ли его. Ему почему-то казалось, что скоро кому-то понадобится его помощь.

Утром Кабанов смеялся и шутил, пожарил для жены и дочери омлет. Жена ничего не понимала. Она немного опасалась перемен, произошедших в Кабанове. А дочь радовалась и обнимала папу. Она показала ему красивый цветок с пятью лепестками, который учительница наклеила ей в тетрадь по чистописанию. Количество лепестков означало пятерку. Кабанов пошел на работу, но, пробыв на складе до одиннадцати, запер помещение и поспешил в школу, где училась дочка. Замер возле забора, в густой тени лип. Проследил, как девочка выходит из школы, как вместе с подружкой доходит до угла, прощается с ней и сворачивает к дому. Убедившись, что дочь в безопасности родного подъезда, Кабанов возвратился на склад. На следующее утро снова ждал у забора. Так продолжалось две недели. Нерабочие дни Кабанов проводил возле школы с раннего утра и до окончания занятий. Он чувствовал, что его жизнь наполняется смыслом. Листья желтели. Солнце, еще по-летнему жгучее, плыло в прозрачном небе. Кабанов видел, как дочь играет с другими детьми на перемене, какая она серьезная и в то же время веселая, и его сердце сжималось от любви. Какой-то человек заметил, что Кабанов каждый день подглядывает за детьми через школьный забор, и вызвал полицию. Кабанова схватили и отвезли в участок, чтоб в спокойной обстановке разобраться, не является ли он педофилом. С трудом Кабанову удалось доказать, что он отец девочки, которая учится в этой школе. Помог звонок шурина.

Кабанова отпустили около полудня. Он поспешил в школу, но занятия уже кончились, второй класс разошелся, и Кабанов помчался домой. В час дня, запыхавшийся, стоял на пороге. Ждал, что дочь выбежит навстречу, чтоб обнять его, но она не выбежала. Кабанов заглянул во все комнаты: пусто. Может, она зашла в магазин, чтоб купить хлеба по просьбе матери. Или заглянула к подружке. Кабанов увидел на письменном столе стопку детских рисунков. Взял их. Когда-то эти рисунки казались ему неразберихой цветных пятен и линий, но теперь он ясно видел: это лошадка; это козлик; это снеговик; это мама-кошка и ее шесть котят; это солнце в перине облаков; это часы, время на которых остановилось; это цветущая вишня; это слоник; это папа держит дочку за руку. Он боялся глядеть на часы. Достал мобильник и набрал номер дочери, но ее телефон был отключен. Вышел на улицу. Обошел дом два раза. Поднялся к себе: пусто. Обошел комнаты: никого. Сама собой открылась форточка. Сквозняк трепал страницы старого альбома. Кабанов спустился во двор. Стал звать. Люди смотрели на него, как на сумасшедшего. Он заглянул в хлебный, в супермаркет, в аптеку, даже в магазин канц-

товаров, вернулся в школу и поднял на уши сонную учительскую, обзвонил почти весь класс, кто-то сказал, что видел, как его дочь пошла домой, кто-то сказал, что к ней подошел незнакомый дядя, или не к ней, он точно не помнит, пожалуйста, прекратите, зачем вы кричите, вы пугаете моего сына... Отпросилась с работы жена. Серая, осунувшаяся, она пришла в школу, упала ему на плечо и разрыдалась. Он гладил ее лицо, попавшее в сети ранних морщин, и не узнавал: сколько лет прошло, сколько впустую потраченных лет, когда-то он хотел стать кругосветным путешественником, у него были мечты, а теперь их нет; он обнял жену и шептал, что любит, и просил прощенья, что не уберег, а завуч смотрела на них бледными от страха глазами и думала, как это событие отразится на ее карьере, и всё время поправляла свои черепашьи очки. Дул холодный ветер, земля кружилась в красно-желтом разноцветье, пожилые деревья роняли пыльные листья на сырой асфальт, мертвое тело земли прогибалось под негнуцимыми ногами, и вороны, боже, как кричали вороны в тот день, а машины сигналили, и люди матерились, а он стоял посреди дороги на коленях и выл, – папа держит дочку за руку и никогда не отпустит, – его дочь звали Аней, а он слишком поздно проснулся, и его вопль никто уже не услышит, никто и никогда.

Глава пятая

Из С.-Петербурга прилетел специальный человек по фамилии Гордеев. Он обладал самыми широкими полномочиями. Говорили о нем шепотом, а при встрече трепетали. Гордеев прибыл расследовать дело серийного убийцы. Был он человек высокий, нескладный, с ледяным взором светлых глаз. Пил кофе из крохотной чашечки, которую таскал с собой всюду на длинной серебряной цепочке, пристегнутой к изнанке пиджака. Когда-то Гордеев наслаждался работой, представляя себя великим детективом вроде Шерлока Холмса или Филиппа Марлоу. Но в последнее время разочаровался в своем призвании. Дела походили друг на друга, мотивы преступников не отличались разнообразием, тела жертв были бледны и неподвижны. С невыразимой тоской Гордеев допрашивал очередного подозреваемого. Он видел их насквозь, понимал, что ими движет, умел различить любую, самую мельчайшую ложь. Скука преследовала Гордеева в мерзких притонах и борделях: он повидал их сотни, если не тысячи. Мертвые лица жертв, единожды отразившись в глазах Гордеева, тут же стирались навсегда, не найдя места в его очерстневшем сердце. Гордеев сам попросил, чтоб его отправили расследовать дело таинственного маньяка. Его удивила скорость, с которой совершались убийства: двенадцать жертв меньше чем за месяц, и это только подтвержденные жертвы. Однако особых надежд, что дело окажется интересным, он не питал.

В морге некий Петров показал Гордееву трупы последних убитых детей, мальчика и девочки. Петров давно не испытывал ужаса при виде изуродованных детских тел, но ему нравилось замечать, как содрогаются, видя, во что превратился живой ребенок, даже самые стойкие следователи; что уж говорить о родителях. Гордеев, однако, смотрел на мертвых детей со скукой. Отрубленные пальцы и обглоданные лица не производили на него впечатления. Не было у Гордеева и болезненного интереса к расчлененным телам, которым обладал Петров; одна сплошная рутина. Петров разочарованно вздыхал и подкидывал Гордееву новые жуткие подробности в надежде, что получится расшевелить специального человека. Гордеев оставался спокоен. В конце беседы он задал Петрову несколько уточняющих вопросов. От смысла этих вопросов Петров сам чуть не задрожал. Гордеев, например, спросил, не знает ли Петров, каковы на вкус человеческие уши. Петров вытаращил глаза и что-то промямлил. Гордеев внимательно выслушал его, а затем, не меняясь в лице, поблагодарил за содействие и вышел. На следующий день Петрова арестовали: выяснилось, что работник морга злоупотребляет положением, тайком питаясь органами человеческих жертв. Это раскрытое походя дело произвело огромное впечатление на следственное управление. О Гордееве поползли удивительные слухи. Говорили, что маньяк обречен. Делали ставки, когда Гордеев его поймает: через неделю, через две, но точно не позже месяца. Гордеев тем временем пожалел, что прилетел в этот душный город из С.-Петербурга. Дело, похоже, тривиальное: просто убийца попался на редкость удачливый. Вместо того чтоб заниматься расследованием, Гордеев отправился в кабак. Пить он не хотел, он вообще плохо переносил алкоголь, но всё равно напился. Изнывая от скуки, в состоянии алкогольного опьянения сел в служебную машину и дал газу. Колеса подминали под себя сухую, в трещинах, дорогу. Гордеев задыхался; лицо его налилось кровью, он расстегнул воротник. Ему хотелось, чтоб его остановили гаишники, но гаишники не останавливали машину из уважения к номерам. Гордеев миновал городскую черту, остановился возле обочины и заглушил мотор. Перед ним расстилалось поле мертвой травы с выпуклыми островками желтеющей зелени. Вдали виднелся заброшенный синий ларек с вывеской «ПИВОВОДЫ». Тишина удручала. Мимо проносились автомобили, но шуршание пыльных шин по асфальту лишь подчеркивало царящий за пределами дорожной ленты вакуум. Гордеев вышел из машины, достал сигареты. Курить он не любил, а сигареты носил с собой лишь для того, чтоб угощать преступников на допросе. Подержав пачку «Мальборо» в холодной сухой руке, он сунул ее обратно в

карман. Что-то ужасно тоскливое было в этом месте. Гордеев медленно шагал через поле, прислушиваясь к собственным ощущениям. Уныние овладело им. Поле казалось бесконечным. Гордеев чувствовал, что в этой мертвой земле лежит прах миллионов существ, которые никогда уже не сдвинутся с места. Что-то хрустнуло под ногой, и Гордеев вздрогнул, но это была всего лишь сухая ветка, а рядом с веткой лежала собака: шерсть в пыли, грудь тяжело поднимается и опускается, слепые глаза смотрят внутрь себя и находят одну лишь печаль. Гордеев присел рядом с дворнягой на корточки и погладил ее по косматой голове. Собака попыталась шевельнуть хвостом или как-нибудь иначе выразить благодарность доброму человеку, который пожалел ее умирающее тело, но у нее не хватило сил: язык вывалился наружу, собака начала дрожать. Гордеев поднялся, обтер ладонь об штанину. Он не любил собак, и вообще зверей, потому что считал их бессловесными фантомами, которые существуют лишь для того, чтоб заполнять пустоту огромного мира. Но этот пес его затронул. Вероятно, Гордеев нашел в нем что-то от себя. Собака продолжала трястись. Гордеев вынул из кобуры пистолет и прицелился животному в голову. Пес замер, почуяв холодное неотвратимое присутствие. Гордеев что-то произнес вполголоса и выстрелил. Собака дернулась в последний раз и умерла.

Смеркалось. Мертвые травы дрожали на холодном ветру. Гордеев вернулся к машине. Возле заднего колеса, обхватив руками грязные колени, сидел пожилой оборванец. Он шел из соседнего города и увидел пустую машину. Окно было приоткрыто, и оборванец захотел что-нибудь украсть из салона. Этот человек лишился дома из-за необдуманных решений, за которые его часто корила жена. Поэтому он решил, что сначала обдумает, что сделает с украденной вещью, и только потом украдет. Оборванец сел на обочину и принялся размышлять. Он не знал, куда денет украденное, и тосковал от этого. Он вспомнил однокомнатную квартиру в хрущевке, где жил с женой и сыном. Он был счастлив тогда. Но жене для счастья требовалось расширение жилплощади, и оборванец решил заняться бизнесом. Он взял в банке кредит и проиграл все деньги на ипподроме. Жена сильно ругала его за это необдуманное решение. Не выдержав ругани, оборванец продал квартиру и понес деньги в казино; из казино вернулся нищим. Жена с сыном переехали жить к теще, а оборванец стал бродить по русской земле в поисках счастья. Летом он спал на земле, прислонившись щекой к траве, а зимой жил в подъездах, у батареи отопления, пока его не прогоняла старушка с веником или мужчина с битой. Он отрастил бороду, которую было так приятно чесать долгими зимними вечерами. Ел мало, в основном огрызки; особенно полюбил грушу. Не брезговал обсасывать палочки эскимо. В свободное время подрабатывал карманным вором. Пару раз его ловили за воровством и избивали до полусмерти. В целом такая жизнь ему нравилась. Гордеев посмотрел на оборванца сверху вниз, сел в машину и укатил. Оборванец продолжал размышлять о тщетности жизни. Когда стемнело, он встал и лег среди мертвых трав, чувствуя единение с природой. Что-то нехорошее почудилось ему в этом месте, но было лень вставать, чтоб проверить наличие угрозы. Он повернулся на бок и уснул. Через неделю его нашли в этом самом месте мертвого, с раздавленной грудью, а неподалеку валялась гниющая собака с простреленной головой.

Гордеев жил в гостинице. Окна его номера выходили на аптеку. Возле аптеки стояла проститутка. Гордеев знал, что это проститутка, потому что сразу после заселения ему позвонили с ресепшена и предложили ее услуги. Проститутку звали Зина. Гордеев недолюбливал женщин за отсутствие логического мышления, но услугами проститутки Зины пользовался. В первый же день он пригласил ее к себе в номер и расспросил о жизни: где училась, чем планирует заниматься в будущем. Зина сначала не хотела отвечать, но мало-помалу разговорилась. Оказалось, она окончила восемь классов маленькой районной школы. Ее родители были алкоголиками. Старший брат, вернувшись из армии, лишил ее девственности. Первой любовью Зины был одноклассник, который не боялся прыгать из окна на втором этаже. Она не помнит, как его зовут, но кличка у него была Доктор. Гордеев чем-то напоминает Доктора; когда Зина вошла в номер, то ошолбенела: так похож. Когда Зине исполнилось восемнадцать, она сбежала из

дома в большой город в поисках лучшей доли. Зина любит кешью и поздравительные открытки с забавными надписями. Не любит снег: к счастью, в этом городе он выпадает редко. В дальнейшем Зина намерена выйти замуж. Гордеев поблагодарил Зину за обстоятельный рассказ, расплатился и проводил до двери.

Сегодня ему не хотелось с ней говорить. Из головы не выходила собака: Гордееву мерещилось, что он выстрелил в голову не ей, а себе. Он принял холодный душ, надеясь на облегчение, но облегчения не наступило. Его бросало то в жар, то в холод. Что-то мучило Гордеева, он не мог понять что. Он решил с завтрашнего утра вплотную заняться расследованием: привычная работа отвлечет его от тоскливых мыслей. Рано утром к нему в номер явился старший лейтенант юстиции Кошевой. Это был мускулистый мужчина, который большую часть жизни провел в тренажерном зале. Три дня назад он заметил, что ему стало сложнее делать жим лежа. Полночи Кошевой беспокойно вертелся в постели. За час до рассвета встал, разделся донага и подошел к зеркалу. В зеркале отражалось идеальное тело. Кошевой вдруг подумал, что не знает, для чего все эти годы наращивал мышечную массу. Жены у него не было, любовницы тоже. Тем временем старость уже стучит в двери костлявой рукой, и скоро это тело перестанет быть идеальным. Кошевой задышался. На деревянных ногах он вернулся в спальню и окинул ее тяжелым взглядом. Знаменитые культуристы прошлого насмешливо глядели с плакатов, как будто знали про Кошевого некую позорную тайну. Кошевой схватился за голову и завопил так, что проснувшиеся соседи подумали, будто где-то рядом кого-то убивают. Кошевой срывал плакаты и рвал их в клочья. Обрывки скотча прилипали к негнущимся пальцам, клочки плакатов порхали в воздухе. Кошевой скрючился на кровати: бумажные клочки как пепел несбывшихся мечтаний покрыли его трясущееся тело. «Пока еще не поздно, пока еще не слишком поздно», – шептал Кошевой, царапая скрюченными пальцами виски, вращая налитыми кровью глазами. На следующий день он узнал, что в город прилетел Гордеев. Коллеги старшего лейтенанта Кошевого говорили о Гордееве, как о великом сыщике. Кошевой из книг знал, что у каждого великого сыщика есть глуповатый напарник, на котором тот оттачивает свое мастерство. Он ухватился за эту идею и решил напроситься к Гордееву в помощники; таким образом, его тело найдет применение. Если Гордеев откажет ему, он упадет перед ним на колени. Именно поэтому Кошевой в то утро оказался в номере специального человека.

Гордеев медленно пил кофе из чашечки, прицепленной к изнанке пиджака; у него болела голова. Кошевой застыл на пороге, робко поглядывая из-под мохнатых ресниц. Гордеев примерно понимал, чего от него хочет молчащий Кошевой. К нему в напарники уже напрашивались десятки. Кошевой ничем от них не отличался. Гордеев пил кофе маленькими глоточками и молчал, ожидая, когда посетитель догадается уйти. Но Кошевой не догадывался. Тогда Гордеев подошел к окну. Проститутка Зина стояла в одиночестве под дождем, крашенные волосы облепили круглое, в оспинах, лицо, а замерзшие губы что-то беззвучно шептали. Прохожий толкнул Зину, она чуть не упала и прислонилась рыхлеющим телом к фонарному столбу. К ней подошел мужчина в черном плаще и бейсболке. Он без слов влепил Зине пощечину, взял за руку и затолкал в джип. Джип уехал. Гордеев смотрел на потоки воды, заливающие витрины.

– Пока еще не поздно... – пробормотал Кошевой у него за спиной. Все эти годы он мало разговаривал, предпочитая разговорам становую тягу, и поэтому запинаясь. Слова вылезали из глотки с огромным трудом, как металлические болванки. – Пока еще не поздно что-то... хотя бы что-то совершить... в этой... жизни... – У него перехватило дыхание. – Я... хотя бы для чего-то... использовать... это... – Он неопределенно повел рукой. – Я... эти... мышцы...

– Вот что, Кошевой. – Гордеев повернулся к нему. – Пойдемте со мной; в этом деле мне понадобится ваша помощь.

Кошевой замер, не понимая, что испытывает: радость или страх. Гордеев прошел мимо него. Нельзя сказать, что Гордееву в самом деле был нужен напарник. Но он надеялся, что

присутствие Кошевого хоть как-то разбавит застоявшуюся в нем скуку. Что касается Кошевого, то он ни на что не надеялся: он просто следовал за Гордеевым по пятам.

Глава шестая

Меньшов пристрастился к кальяну. Курить кальян в одиночестве было скучно, и он пригласил коллег в бар. Коллеги идти не хотели, но, чтоб упрочить дружеские отношения в коллективе, пошли. Весь вечер они молчали. Меньшов мучился от изжоги. Начальника отдела кадров после первой затяжки долго тошнило в туалете. Замначальника пусконаладки вообще не курил, не ел, не пил, только угрюмо водил пальцем по столешнице. Системный администратор вышел на улицу подышать свежим воздухом и пропал. Молодой человек из производственного отдела, имени которого никто не помнил, стал рассказывать о своих успехах на любовном фронте, но почувствовал, что от старших коллег веет холодком, и замолчал. Ведущий инженер Комягин скрипел зубами так, что на него оглядывались другие посетители. Смуглый кальящик, менявший угли на обернутом фольгой чилиме, старался обходить ведущего инженера стороной. Главный кладовщик дремал, потому что любил поспать в нестандартных ситуациях. Докурив кальян, коллеги стали наперебой благодарить Меньшова за чудесный вечер и расколотиться. Меньшов запил изжогу пивом. Выйдя из бара, он подумал, что с Чуркиным было веселее. Теперь нудные истории Чуркина казались ему верхом остроумия. Он выпил еще пива и вызвал такси. Таксист повез Меньшова по ночным улицам, ослепленным неоновым светом. Меньшов глядел на сверкающие витрины сквозь опущенные ресницы и думал, что разноцветный свет призван замаскировать вечную тоску большого города. Вскоре ему надоело думать философские мысли, и он прислушался к таксисту, который уже пару минут что-то рассказывал. Ничего интересного таксист не говорил: обычный треп о козлах на дороге, которые понакупали прав. Меньшов задремал. Такси остановилось возле подъезда. Таксист собирался разбудить Меньшова, но от того повеяло какой-то тревогой, поэтому таксист проехал еще немного, чтоб на счетчике набежал лишний полтинник, вернулся и только после этого разбудил клиента. Меньшов не хотел просыпаться, но не потому, что ему было уютно на заднем сиденье подержанной «девятки», салон которой пропах табаком и потом, а по той причине, что вообще не любил просыпаться. Он хотел бы проспать всю жизнь, если б имелась такая возможность. Всё же ему пришлось встать, расплатиться и выйти из машины. Он опустил на скамейку возле подъезда, вдыхая сухим ртом влажный ночной воздух. Под ногами разъезжались мокрые листья. Из подвала выглянул полосатый кот. Он пошевелил усами, фыркнул и засунул голову обратно. На втором этаже грянула музыка и мгновенно затихла. Чудовищные тучи клубились в аспидном небе. Бледно-желтая луна глядела в просвет между тучами. Меньшов обхватил голову руками: ему казалось, что он сходит с ума от одиночества. Чуркин, конечно, быдло, но это было его собственное ручное быдло; теперь его нет. Чем он сейчас занят?

Чуркин как раз выносил мусор. Нельзя сказать, что он часто выносил мусор. Мусором была забита вся его кухня, половина прихожей и до некоторой степени гостиная. Когда Чуркину стало неудобно перешагивать через завалы из мусорных мешков, он решил вынести хотя бы часть мусора. Тем не менее прошло еще два с половиной дня, прежде чем он в самом деле стал выносить мусор. Опустив двадцатый по счету мешок в мусорный контейнер, он подумал, что его действия лишены смысла. Чуркин крепко задумался. Мимо прошла девушка: она выкинула пустую упаковку из-под гигиенических прокладок. Старушка выбросила пакет с картофельными очистками. Молодой человек швырнул в контейнер связку дырявых воздушных шариков. Семен Семеныч из второго подъезда звякнул сеткой пустых бутылок. Чуркин хотел поздороваться с Семеном Семенычем, но испугался, что тот не ответит на его приветствие, и промолчал. А Семен Семеныч решил, что Чуркин не здоровается, потому что считает себя выше него, и ушел, презрительно хмыкая. Чуркин продолжал стоять у мусорного контейнера, думая, что люди тратят слишком много времени на всякие нелепые действия вроде выноса мусора или сна. Ему стало грустно, что люди такие смехотворные создания. Вскоре мысли

о смехотворности людей наскучили ему. Он поглаживал в кармане портсигар, не зная, чем заняться. Когда-то у него была мама, и Чуркин тешил себя надеждой, что однажды уедет к ней в деревню питаться здоровой деревенской пищей. Но теперь мама умерла и не осталось надежд, которыми можно себя тешить.

К мусорным контейнерам приближался кучерявый юноша по фамилии Королевский. Королевский, будучи студентом физфака, размышлял о тепловой смерти Вселенной. Он считал, что раз Вселенная всё равно обречена согласно второму началу термодинамики, то готовиться к зачетам необязательно; отец же при помощи ремня доказывал Королевскому, что тот ошибается в своих выводах. Королевский возражал в том смысле, что бить ремнем семнадцатилетнего парня постыдно, и грозился уйти из дому, когда достигнет совершеннолетия. Мать Королевского, стараясь предотвратить скандал, слезно умоляла Королевского вынести мусор. Отец хватался за сердце ипил валерьянку. На самом деле сердце у него не болело, да и на зачеты сына он смотрел как на бесполезное занятие, но что-то заставляло его вести себя именно так. Королевский, видя пустоту в душе отца, называл это «что-то» отцовским инстинктом. Отец не любил разговоры об отцовском инстинкте. Честно говоря, он вообще ничего не любил, кроме хоккея и валерьянки. Хоккей он любил тогда, когда побеждала наша сборная, а валерьянку любил всегда.

Королевский увидел возле контейнера Чуркина и застыл на месте. Чем-то угрожающим веяло от маленького человека с грязными волосами и нестриженными ногтями. Королевский хотел развернуться и уйти, но душная атмосфера скандала, царившего дома, остановила его. Королевский осторожно приблизился к контейнеру. Чуркин заметил бледного юношу, который на цыпочках подбирается к контейнеру, и, чтоб не смущать его, притворился, что вместе с мусором уронил в контейнер что-то ценное. Он по плечи зарылся в отходы. Королевский решил, что Чуркин бомж и принялся глядеть на него свысока. Чуркин догадался, что о нем думает Королевский, но ничего не сделал, чтоб опровергнуть мнение юноши о своем социальном положении, вместо этого еще глубже зарылся в объедки. Королевский перевернул мусорное ведро над контейнером с таким видом, словно Чуркин ему глубоко безразличен. На самом деле он испытывал нездоровое любопытство: что же такое особенное можно найти в чужом мусоре. Он хотел бы сам порыться в отходах, но высокий социальный статус не позволял ему этого делать при всех. Однако он решил подождать, когда маленький бомж уйдет, и немножко покопаться в мусоре, пока никто не видит.

Чуркин всё не уходил. Королевский проявлял признаки нетерпения. Он ходил вокруг контейнера с недовольным видом и зыркал на Чуркина. Неожиданно Чуркин нашел среди объедков кошелек. Удивленный, он раскрыл кошелек на глазах у Королевского. Внутри лежало пять тысяч рублей одной бумажкой. Королевский побледнел от зависти. Он стал кричать на весь двор в том смысле, что мусор принадлежит жителям окрестных домов, и бомжи не имеют права ковыряться в нем своими грязными пальцами; если бомж не хочет, чтоб Королевский вызвал полицию, то пусть отдаст деньги Королевскому на хранение. Королевский составит объявление об утере банковского билета и вернет его законному владельцу, – если тот объявится, конечно. Чуркин посмотрел на юношу исподлобья, сунул деньги в задний карман и побрел домой, согнувшись под бременем забот. Взбешенный Королевский помчался за Чуркиным. Он хватал его за плечо и угрожал законом. Чуркин развернулся и ударил Королевского в глаз. Королевский отскочил в сторону, схватившись за глаз, и пригрозил, что он этого так не оставит. Чуркин вошел в подъезд. Королевский вернулся домой с фингалом. Мать всплеснула руками и побежала готовить пакет со льдом, чтоб приложить к синяку. Королевский рассказал, что подрался с бомжем, который украл пять тысяч рублей. Из рассказа выходило, что в схватке победил он, а бомж пустился в бегство, успев, однако, прихватить деньги. Отец Королевского посмотрел на сына с уважением и пожал ему руку. Не то чтобы он хотел жать сыну руку, которой тот касался грязного бомжа, но сработал отцовский инстинкт. Ночью Королевский бес-

покойно вертелся на кровати. На пять тысяч он мог сводить в ресторан симпатичную однокурсницу, а бомж наверняка эти деньги пропьет. В итоге Королевский успокоил себя тем, что жизнь бессмысленна, а Вселенную, как и любую другую замкнутую систему, всё равно ждет тепловая смерть.

Чуркин, зайдя в подъезд, медленно поднялся на пятый этаж. Руки у него дрожали, но вовсе не от встречи с Королевским: он успел позабыть о бойке юноше с мусорным ведром. В его голове царил сумбур. На лестничной площадке пятого этажа было четыре двери, ведущие в отдельные квартиры. В одной из квартир жила глухая, полумертвая старуха, во второй – Чуркин, две другие пустовали. Одну когда-то сдавали, но жильцы съехали, испугавшись странных ночных звуков, а замены им не нашлось; еще одна стояла на продаже последние три года, но никто не хотел ее покупать, потому что предыдущие владельцы умерли при странных обстоятельствах. Если б на площадку кто-нибудь заглянул, он бы обязательно почуял гнилостную вонь, которая сочилась из квартиры Чуркина. Сам Чуркин настолько привык к запаху, что ничего не чувствовал. Он отворил дверь и вошел в прихожую. В сумраке чернели холмы мусора. Их было меньше, чем два дня назад, но всё равно достаточно. Чуркин прошел на кухню. Вынул из холодильника банку с влажными красными ягодами и стал закидывать их в рот по одной. Свет он не включал нарочно.

В раскрытую форточку проникал холодный воздух. На кухонном столе лежал черный пакет. Угол пакета свесился с края столешницы. Чуркин поправил его. Из пакета вывалилась детская ручка с черными ранками вместо ногтей. Чуркин проглотил кислый комок. Двумя пальцами он взял тонкое запястье и затолкал крохотные пальчики обратно в полиэтиленовое нутро. В глазах потемнело, на цыпочках он вышел из кухни. В прихожей долго царапал обнаженную грудь, надеясь извлечь музыку сердца. В висках пульсировали черви. В горле бурлила кислота. Чуркин понимал, что сходит с ума. Он хотел бы не сходить с ума, но не знал, как это делается. В гостиной он включил телевизор и смотрел телевизионные помехи, сидя в продавленном кресле. За диваном тоже был спрятан черный пакет. На шкафу лежало целых два, на пол возле неработающего торшера натекла темная жидкость. Чуркин погладил в кармане отцовский портсигар и выключил телевизор. Дверь в спальню была заперта. Чуркин не помнил, что там находится, но жутко боялся ее открывать. Он остановился у двери, задыхаясь от ужаса. Впился ногтями в виски, пытаясь выковырнуть червей. Он знал, что никаких червей нет, но не мог их не выковыривать. Лег на холодный пол, подергался и уснул; во сне он сидел на черном дереве, а внизу белела пропасть. Чуркин очень смеялся, глядя в эту пропасть, а потом плакал, а потом снова смеялся. Проснувшись, он увидел в окне серую муть наступающего дня. Утро. Пора на работу.

Глава седьмая

Кошевой жалел, что напросился в напарники Гордееву. Лучше бы он как и раньше жил в пустоте своего сознания. Кошевой надеялся, что их ожидают интересные логические загадки и погони, но вместо этого Гордеев провел целый день, роясь в документах. Впрочем, Кошевой разочаровался бы и от логических задач и даже от погонь, потому что предпочитал ничего не делать, не считая занятий в тренажерном зале. Занятия в тренажерном зале он тоже не особенно любил, но хотя бы привык к ним.

У Гордеева, по мнению Кошевого, было множество недостатков. Например, специальному человеку не нравилось говорить о бодибилдинге. Кошевому и самому не нравилось говорить о бодибилдинге, но это была единственная тема, в которой он разбирался. На работе Кошевой большую часть времени проводил на стуле. Звания он получал за выслугу лет и через год-другой надеялся стать капитаном. Он плохо представлял, в чем заключается его работа; непосредственное начальство, судя по всему, тоже не совсем понимало, к чему применить Кошевого. Уволить его не могли, потому что он попал на свое место по блату. Какое-то время Кошевой помогал старшему следователю-криминалисту. Его помощь заключалась в том, что Кошевой сидел в удобном кожаном кресле возле тяжелой металлической двери, листал журналы по пауэрлифтингу и не мешал. Начальству нравилась усидчивость Кошевого, и он легко продвигался по служебной лестнице там, где другие спотыкались. Кошевой к тому же мог без труда приподнять металлический сейф с важными бумагами, чтоб уборщица помыла под ним пол. Кошевого уважали за незаменимость в вопросе переноски тяжелых предметов. С ним часто делились чем-то личным; Кошевой в ответ молча кивал. Он не слушал, что ему говорят, а кивал потому, что понял давно: люди любят, когда им кивают. Поэтому он кивал неизменно, и люди его за это любили.

Гордеев не жалел, что взял в напарники Кошевого. Но и не радовался. Кошевой был для него, как самоходный шагающий шкаф. Иногда этот шкаф произносил слова своим заикающимся голосом, и Гордеев смотрел на него с легким удивлением. По мнению Гордеева, у Кошевого было чересчур простое лицо для преступника и слишком невыразительные глаза для следователя. Поэтому Гордеев использовал его для транспортировки папок, в которых хранились бумаги. Кошевой не хотел таскать для Гордеева вещи, но всё равно таскал в надежде, что самое интересное ждет их детективный дуэт впереди. Его надежды быстро растаяли, но он уже привык ходить за Гордеевым и ходил за ним, лишенный надежд. Коллеги Кошевого посмеивались над ним, однако втайне завидовали, потому что считали, что Кошевой проник в мир интересных тайн и жутких преступлений. Они и сами часто сталкивались с жуткими преступлениями, но, привыкнув к ним, переставали считать их жуткими. Поглощенные рутинной, многие из них не думали о преступлениях вовсе. Чтобы лучше не думать, они играли на работе в компьютерные игры, раскладывали пасьянс, сплетничали. Самые лучшие из них наловчились изображать мысль снаружи, не имея ее внутри.

У Кошевого пытались выведать, как продвигается дело маньяка. Кошевой не знал, как оно продвигается, и поэтому молчал. Его молчание выглядело загадочным: у коллег от зависти сводило лица. Один майор, начальник следственного отдела по городу Т., поклялся, что поколотит Кошевого, если тот не расскажет коллегам о расследовании. В тот же вечер у майора умер отец, и он погряз в мелких неурядицах по поводу дележа наследства. Честно сказать, он бы не смог поколотить Кошевого даже в том случае, если б его отец остался жив. Майор был маленький и плюгавый: едва доставал Кошевому до подбородка.

Гордеев проводил вечера в беседах с проституткой Зиной. Ночью ему снилось, что он пес, которому вот-вот прострелят голову. Это были грустные сны: он лежал в траве, зная, что приближается смерть, но не видел ее; он не испытывал страха, только печаль, которая со вре-

менем превращалась в тоску, а та в свою очередь оборачивалась пустотой. Гордеев находил странное удовольствие в этих снах. Он часто повторял про себя: я пес, старый пес, мертвый пес. В пятницу он созвонился с родителями Ани Кабановой, дочь которых похитили, и договорился о встрече. В квартире Кабановых пахло жареным картофелем. Зеркала были завешены пожелтевшими полотенцами. На старых обоях остались выцветшие детские рисунки. Мать Ани, глядя себе под ноги, попросила Гордеева и Кошевого пройти на кухню. Это была седая женщина с глубокими морщинами на сером от горя лице. Кошевому не верилось, что ей всего тридцать. Она села на краешек табуретки, сложив руки на коленях, и уставилась в пол. Гордеев много раз видел горе родителей, потерявших ребенка, и оно успело ему наскучить. Он не стал притворяться, что его волнует чужое несчастье, и задал несколько уточняющих вопросов. Несчастная мать что-то отвечала вполголоса. Кошевой, видя, что женщина сейчас упадет в обморок, подошел к ней и подержал за руку. Женщина поблагодарила Кошевого за участие и немного ожила. Теперь она отвечала на вопросы более внятно. Кошевой вернулся на место, не совсем понимая, что он только что сделал. Гордеев тоже не понимал, что сделал Кошевой, потому что продолжал считать его предметом мебели. Он нацарапал пару записок в блокноте и спросил у Кабановой, где ее муж. Кабанова вздрогнула и неуверенно махнула рукой, будто сомневалась в наличии мужа. Гордеев встал и пошел в гостиную.

Кабанов, широко улыбаясь, совершал руками странные движения посреди комнаты. Гордеев решил, что он делает зарядку. Увидев Гордеева, Кабанов опустил руки:

– Ладно, Анечка, поиграли и хватит. Видишь, гости пришли. Что надо сказать?

Гордеев приподнял бровь.

Кабанов погладил ладонью воздух:

– Правильно, зайчик. Надо сказать «здравствуйте».

Кабанов уставился на Гордеева. Гордеев не знал, как поступить. Ему хотелось развернуться и уйти: от сумасшедшего толку всё равно не будет. С тоской смотрел он на мужчину, который гладил рукой воздух. Кабанов был простой человек с лысеющей головой и бедным словарным запасом. Пожалуй, от него и в нормальном состоянии ничего не добьешься. Гордеев придерживался мнения, что таким людям не стоит заводить детей. Иногда он считал, что вообще никому не стоит заводить детей: тогда преступления мало-помалу сойдут на нет, и на земле воцарится тишина. Гордеев хотел бы пожить в тишине пустого мира на берегу холодного озера в каменном доме. Он представил, как идет вдоль берега, усеянного порыжевшими сосновыми иглами, и глядит, как в прозрачной воде, в паутине синих водорослей плывут крупные рыбы с блестящей серой чешуей. Что-то дьявольское мерещится ему в поведении этих неземных рыб, выпученные глаза которых глядят вперед слепо и страшно; он хочет позвать на помощь, но никого рядом нет. Вообще никого нет и больше не будет.

Кабанов разозлился: его маленькая дочка поздоровалась с дядей, а грубый дядя здороваться не собирался. Анечка от смущения теребила подол платья. Вот-вот разревется. Кабанов хотел наброситься на Гордеева с угрозами, но тут вперед вышел крупный мужчина с развитой мускулатурой. Кабанов уважал мужчин с развитой мускулатурой и решил повременить с угрозами. Кошевой присел на корточки:

– Привет. Как тебя зовут?

– Меня зовут Аня, – ответила девочка.

– А меня дядя Кошевой. Сколько тебе лет?

– Восемь.

– Ничего себе, по сравнению с тобой я совсем старый. Анечка, ты не обидишься, если мы поговорим с твоим папой наедине?

Аня помотала головой и посмотрела на отца. Кабанов кивнул ей:

– Иди в спальню, зайка, поиграй.

Анечка робко улыбнулась и убежала. Кабанов со страхом глядел ей вслед. Когда Аня удалялась от него хотя бы на несколько метров, он чувствовал на сердце тяжесть. К тому же на него давил взгляд Гордеева. А вот Кошевой был мужик веселый: они с Кабановым немного поспорили, кто сколько отожмется на кулаках. Кабанов чуть повеселел. Гордеев молча думал, что Кабанова следует сдать в психушку. Кабанов посмотрел на него и затосковал. Он сел на диван и откинул голову назад. Гордеев стал задавать вопросы, не отрывая взгляда от мясистой шеи несчастного отца. Кабанов не хотел отвечать, он мечтал превратиться в точку и навсегда исчезнуть в космическом пространстве. Тем не менее он что-то говорил, не узнавая своего голоса. Ему казалось, что это не он говорит, а радио сообщает в пустоту страшные новости. Наконец Гордеев с Кошевым ушли. Кабанов продолжал неподвижно сидеть на диване. В комнату вошла жена. Кабанов повернулся к ней и не узнал. Он подумал, что так иногда бывает: живешь с человеком, живешь, а однажды смотришь на него и не понимаешь, кто это такой, и кажется, что рядом должен быть совсем другой человек. Жена села рядом с Кабановым и погладила его по влажной лысине. Тебе, наверно, противно гладить мою потную кожу, хотел сказать Кабанов, но ничего не сказал, однако жена поняла его, потому что они знали друг друга десять лет, десять бесконечных лет, проведенных в крошечной квартире, на маленькой кухне, где они едва помещались за столом, когда их было трое, а теперь их двое и они прекрасно помещаются, но радости нет, лучше бы как и раньше не помещались. Лучше бы толкались и злились, и говорили сердитыми голосами: это мое место, тут я сижу, подай табуретку, ну что ты делаешь, опять уронила тарелку, как можно хоть что-то приготовить на кухне площадью пять с половиной квадратных метров, когда мы переедем, Кабанов, ну что ты молчишь, Кабанов, когда ты найдешь нормальную работу, куда ты опять уходишь, папа, пожалуйста, останься, мама не хотела тебя обижать, мама, пожалуйста, не обижай папу, мама-папа, пожалуйста, не ссорьтесь, и Аня жива, жива, жива.

В глубине души я понимаю, что Аня умерла, хотел сказать Кабанов, но не могу ее отпустить. Еще он хотел сказать, что он вовсе не псих, просто иногда уговаривает себя, что Аня рядом, и действительно видит ее: она стоит посреди комнаты в белом платье и смотрит на него, а он на нее; они смеются от счастья и чуть-чуть от неловкости. До того как она пропала, он никогда не видел ее в белом платье, но всё равно представляет ее именно такой, а в волосах у нее шелковая лента. Он ничего не сказал, однако жена сжала его руку, показывая, что понимает, что у него на уме; боже, какая у нее сухая ладонь, и пальцы едва гнутся, как она похудела за эти недели, сбросила килограмм двадцать, не меньше, теперь она похожа на скелет, обтянутый землистой кожей. Кабанов положил голову ей на плечо и замер. Жена замерла тоже. Я знаю, хотел сказать Кабанов, что со временем горе пройдет и воспоминания поблекнут, но ведь это и есть самое страшное. Он ничего не сказал. Они слышали, как гремит музыка у соседей внизу, как ругаются соседи справа; они тоже ругались когда-то, а теперь им не хочется ругаться, теперь хочется сидеть вместе, ощущая тепло живого человека, и молчать. Кабанов хотел сказать жене, что любит ее, но не сказал, потому что у него пересохло в горле, однако жена поняла и прикоснулась губами к его сухой небритой щеке. Дверь в спальню скрипнула и приоткрылась. Они повернули головы, но это был всего лишь сквозняк, а у соседей слева заработала дрель и застучал молоток.

Гордеев и Кошевой курили возле подъезда. На асфальт медленно опускались желтые листья. Стареющий мужчина в грязной кожаной куртке сгребал палые листья к бордюру. Мужчину звали Ведерников. Он был талантливый пианист. Когда-то им восхищались и пророчили великое будущее. Но он ничего не делал для развития своего таланта и в результате спился и стал дворником. Но Ведерников не унывал. Ему достаточно было знать, что заключенный в нем потенциал гораздо выше, чем у большинства; так сказал ему сам Рябин, а он был пианистом от бога. Это знание позволяло Ведерникову глядеть на прохожих свысока. Он и на Горде-

ева с Кошевым поглядел свысока, отложив метлу на минуту. Гордеев с Кошевым не заметили взгляда Ведерникова. Они немного постояли возле подъезда, глядя на листопад, и ушли.

Глава восьмая

Танич рос веселым мальчиком. Он пел, танцевал, рассказывал стишки. Бывало, заберется на табуретку и давай рассказывать. Взрослые восхищались позитивным настроем ребенка и дарили ему конфеты, а Танич отдавал конфеты маме, потому что знал, что мама любит сладкое. Мама воспитывала Танича одна, им вечно не хватало денег. Приходилось на всем экономить. Мама часто удивлялась, почему маленький Танич такой веселый, когда им нечего есть. Танич отвечал, что всегда будет веселый, потому что когда он веселый, мама тоже становится веселее. Мама смотрела на сына с восхищением. Вскоре она умерла от рака двенадцатиперстной кишки. На похоронах маленький Танич пел, танцевал, рассказывал стишки. Родственники смотрели на него с ужасом и стыдом. Когда гроб с мамой опустили в могилу, маленький Танич вырвался из рук двоюродной тети и побежал в глубь кладбища. Он бежал быстро, аж пятки сверкали, а памятники и оградки летели ему навстречу. Маленький Танич думал, что сможет бежать долго и вскоре оббежит всю Землю, вернется на это самое место, и мама будет жива – не зря же он отважно преодолевал огромные расстояния. Но он споткнулся о выступающий из земли корень и упал. Земля забила ему в рот, нога распухла. Где-то рядом шумела река. Танич сидел на земле и глядел перед собой. Взрослые звали его громкими голосами, но он почему-то не мог ответить. Солнце зашло. Прозрачный воздух напитался чернилами ночи. Кроны деревьев шумели в недоступной вышине. Танич шептал «мама-мама-мама», но мама не отзывалась. Тогда маленький Танич стал петь, рассказывать стишки, только танцевать не мог, потому что нога сильно болела. Рано утром его нашел кладбищенский сторож. Мальчик смеялся и шутил, а глаза у него были белые, как молоко. Сторож от страха чуть не пристукнул Танича лопатой. Со временем Танич вырос. Он решил, что дети не должны испытывать кошмары взрослой жизни, подобно ему, и принялся их убивать. Он старался убивать безболезненно, но иногда непослушные дети вырывались и приходилось догонять их и бить камнем по голове. Танич убивал бездомных детей и детей из неблагополучных семей, потому что трезво рассудил, что именно им предстоит больше всего мучений. Однажды у Танича кончились деньги на еду, и он решил попробовать детское мясо и нашел его приятным на вкус; особенно полюбил печенку. Танич не испытывал угрызений совести, когда ел человечину, потому что дети всё равно мертвы: зачем зря пропадать мясу. Он даже купил поваренную книгу, чтоб готовить строго по рецептам. Вскоре Танич научился неплохо готовить и поступил в кулинарный колледж, чтоб научиться готовить еще лучше. В кулинарном колледже Танича за веселый нрав полюбила веснушчатая девушка по имени Настя. Танич ради шутки как-то угостил ее тушеным человеческим мясом; сказал, что это свинина, приготовленная по особому рецепту. Насте не понравилась человечина. Она долго плакала в объятиях Танича, сама не понимая, отчего плачет. Ей казалось, что где-то в мире произошло что-то плохое. Танич устыдился своего поведения и в тот же вечер сделал Насте предложение. Настя обрадовалась. Танич стал подыскивать им жилье. Но время шло, и Танич понимал, что не сумеет найти простое человеческое счастье рядом с Настей. Однажды у них появятся дети, которых в будущем ждут те же кошмары, что и других маленьких озорников. Танич сомневался, что сумеет убить собственного ребенка, и был уверен, что, проявив слабость, обречет малыша на беспросветное существование. Видя, как Настя радуется предстоящей свадьбе, он не решался порвать с ней и мучился от этого. Он даже задумался, не убить ли ее, чтоб она умерла в счастливом неведении, но не решился: могут возникнуть ненужные подозрения. В августе Таничу пришло письмо: умерла двоюродная тетка. Детей и других близких родственников у нее не было, и она оставила свою трехкомнатную квартиру Таничу. Двоюродная тетка жила в южной столице, там же, где Меншов, Чуркин и другие. Танич не стал долго думать: объявил Насте о разрыве отношений и принялся собирать вещи. Настя погоревала день-другой и нашла утешение в объятиях заго-

релого электрика, который налаживал проводку в домах горожан. Танича неприятно поразила скорость, с которой Настя о нем забыла. Он позвонил Насте на мобильный и потребовал объяснений. Настя отвечала, что не понимает претензий Танича: он ведь сам ее бросил. Танич утверждал, что подозревал в Насте склонность к измене и хотел проверить ее чувства. Настя ответила, что он выбрал для этого странный способ. Танич поинтересовался, где сейчас Настя: ему надо кое-что сообщить ей с глазу на глаз. Настя не пожелала отвечать на этот провокационный вопрос.

– Я знаю, – закричал Танич, – ты у этого сукиного сына!

– И что?! – завопила Настя. – Ты всё равно не знаешь, где он живет!

Однако Танич знал, где живет электрик, потому что в их небольшом городке почти все всех знали. Он поехал туда, чтоб потребовать объяснений. Электрик встретил его на пороге в майке и семейных трусах. Вышел разговор на повышенных тонах, который со временем перерос в драку. Танич сломал электрику нос, а электрик вывихнул Таничу мизинец. Соседи с интересом наблюдали за сценой. Приехала полиция, бузотеров арестовали. Освободившись, Танич не стал более задерживаться в постылом городишке: побросал нехитрые пожитки в чемодан и отбыл в направлении новой жизни.

Новый город ему не понравился: душный, пыльный, люди злые. Впрочем, его старый город после происшествия с Настей нравился Таничу еще меньше. Первые дни Танич бесцельно шатался по улицам. В новой квартире было слишком много старых вещей, спальня пропахла кошачьим кормом. Танич собирался вынести старье и переклеить обои, но никак не мог начать ремонт. Проходили дни, недели; Танич ничего не делал. Он оправдывал себя тем, что у него полно забот, но на самом деле большую часть времени он проводил в парке, посаывая пиво, или валялся на диване перед включенным телевизором, слушая успокаивающий звук телевизионных помех. Старая мебель зарастала пылью. Танич от скуки теребил стрелку часов на поломанном будильнике или собирал пальцем грязь на полу. Но вот настал день, когда Танич скинул оковы лени и засучил рукава. Через полчаса он закопался в тетиных пластинках: у тети была огромная коллекция. До самого вечера Танич бережно перебирал винилы. На следующий день так и не смог вспомнить, почему не занялся уборкой. С горя пошел в кабак, чтоб напиться, но на полпути передумал, вернулся и уснул на диване, подложив руки под голову.

Деньги, скопленные за годы безмятежной жизни в провинции, заканчивались. Пришла пора искать работу. Танич отправился в бюро занятости, но там была большая очередь, и Танич не стал ее занимать. Увидел на стене объявление: требуются рабочие на завод. Душа стремилась к искусству, и Танич пошел в театр. Через десять минут после начала представления он крепко спал. Храп Танича вызвал негодование почтенной публики. Танича вывели из зала со скандалом. Пожилая женщина из первых рядов всё норовила ткнуть Танича пальцем в глаз. Танич задумался, почему его в последнее время тянет в сон; неужели он чем-то болен? Он записался на прием к терапевту в местную поликлинику. Бабушки в очереди смотрели на Танича с неодобрением. Наконец Танич вошел в кабинет. Медсестра куда-то отлучилась, а врач положил голову на бумаги и задремал; это был пожилой мужчина с кожей, похожей на древний пергамент. Полночи внуки не давали ему спать, гремя чем-то в детской, а тут выдалась свободная минутка. Танич сделал вывод, что раз даже доктор спит в рабочее время, то Танич ничем не болен, просто в этом городе все любят поспать. Он вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

У тети был старый компьютер, и Танич на оставшиеся деньги провел Интернет. Выяснилось, что Танич знаменит. В Интернете его знали, как Солнечного Зайца, потому что Танич оставлял ножом рисунок зайца на остаточных кусках жертв. Танич приятно удивился своему значению для общества. На форуме сайта о серийных убийцах он нашел тему, посвященную его преступлениям. Полный приятных надежд, взялся за чтение. Его ждало разочарование: Танича обвиняли в подражательстве, в отсутствии собственного почерка и вкуса. К тому же

последнее убийство он совершил больше года назад, и тема была заброшена. Танич зарегистрировался на форуме, чтоб представиться фанатом Солнечного Зайца и оживить тему, ответив на выпады критиков. Однако ему пришло в голову, что никто не поверит человеку, у которого на форуме всего одно сообщение. Следовало заработать репутацию, оставляя сообщения во всех темах подряд. К сожалению, Таничу не хотелось писать во всех темах подряд, ему хотелось писать только в теме о Солнечном Зайце. Так ничего и не написав, он выключил компьютер. Надо было что-то делать с жизнью, которая катилась под откос. Танич пораскинул мозгами и вышел на улицу. По скверу гуляло много нарядных детей, но убивать не хотелось. Хотелось пить пиво и плевать в потолок. Пошел дождь. Танич купил газету и спрятался на автобусной остановке под навес. В газете он впервые прочел о маньяке, который похищает и убивает девочек не старше десяти лет. Поначалу Танич не мог вникнуть в смысл статьи. Ему казалось, что он единственный серийный убийца если не в стране, то хотя бы в городе. Наличие другого маньяка не укладывалось в голове. Поразмыслив, Танич зло усмехнулся: если анонимные обитатели Интернета с легкостью разделились с Солнечным Зайцем, то что же они напишут об этом банальном убийце. Он поспешил домой, чтоб проверить свою догадку. Включил компьютер и быстро нашел тему о маньяке, которого в Интернете прозвали Молнией, потому что он похищал детей внезапно, как удар молнии. Танич читал тему и не верил глазам: Молнию хвалили. Ею восхищались. Утверждалось, что Молния прославит южную столицу своей не имеющей аналогов жестокостью. Танич попытался внести немного здоровой критики в тему, но его забанили на форуме как тролля. Модератор так и написал: «Троллей с одним сообщением и сегодняшней датой регистрации баню беспощадно». Танич не знал, кто такие «тролли» и что значит «забанили», но писать на форуме он больше не мог. Он выключил компьютер и тихо сидел в темноте. За окном шептал дождь. В туче водяных брызг проносились автомобили. Ревели гудки. Свет фар время от времени заливал комнату, и длинные тени метались в агонии по стенам и потолку. Затем снова наступала темнота; Танич слушал ее тихое дыхание. Ему хотелось умереть или хотя бы уснуть навсегда. Впрочем, умирать не хотелось, потому что это, наверное, больно. Танич твердо решил пойти на завод; серийных убийц много, а рабочих не хватает. Сложная, но нужная стране работа среди станков внесет в его жизнь ясность.

На следующее утро Танич оделся поприличнее, тщательно почистил ботинки, навел про чего лоску. Явился на завод щеголем. На проходной ему вежливо объяснили, где находится отдел кадров. Сердце колотилось в груди от предчувствия новой жизни. Танич тихонько постучал в тяжелую деревянную дверь с потертой табличкой «Отдел кадров». Никто не ответил. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь: пусто. На письменном столе работал вентилятор, вкрадчиво шуршали бумаги, жужжал ноутбук. Из-за угла выглянула уборщица с тряпкой, сочащейся грязной водой, и пояснила, что начальник отдела кадров вышел на пять минут и скоро вернется. Танич обливался потом от страха. Его подташнивало от запаха канцелярских принадлежностей. Он присел на скамейку в коридоре, встал, снова присел. Бухтел старенький кондиционер. Воздух был сырой, плотный, дышать тяжело. Прошло ровно пять минут; на лестнице послышались голоса. Танич решил, что прождал достаточно долго и пошел в противоположную от голосов сторону. Уборщица позвала его: молодой человек, а вот и Stanislaw Petro... Танич побежал. Голоса затихли вдали. Более на завод Танич не возвращался.

Глава девятая

Гордеев собирался провести вечер за изучением улик, но вместо этого сел у окна и установился на крышу соседнего дома. Крыша ошетибилась антеннами. Вода стекала в водосточные трубы. Человек в серой куртке возился с кабелем у самого края крыши. Он был без головного убора, мокрые волосы облепили похожую на тыкву голову. Гордеев ждал, что человек вот-вот сорвется, но человек не срывался. К нему на крышу забрался другой человек, худой и бугристый, и они замерли в миллиметре от пустоты. Дождь лил им на согнутые спины, хлестал бока водяными розгами. Гордеев хотел бы оказаться рядом с отважными работниками. Он даже привстал немного, собираясь к ним пойти, но тут же уселся поудобнее. Ему наскучило смотреть в окно, и он задернул штору. Вызвал по телефону проститутку Зину. Зина явилась тотчас же: пышущая здоровьем, счастливая, в строгом черном платье до колен. Гордеев с печалью глядел в ее улыбающееся лицо. Он знал, что дни ее счастья сочтены, как, впрочем, и любого другого счастья на этой богом забытой планете. Зина разместилась в кресле напротив него, достала тонкую сигарету и закурила. На ее розовом лице проступили красные пятна. Вымазанные сиреневой помадой губы двигались как черви. Гордеев хотел спросить, чем, собственно, вызвано ее счастье, но промолчал. Зина сама рассказала: оказывается, она выходит замуж.

– За кого? – спросил Гордеев, сильно тоскуя.

– За Мишеньку.

Гордеев не знал, кто такой Мишенька. Зина объяснила. Оказывается, это тот самый молодой человек в бейсболке и кожаном плаще, который ударил Зину возле аптеки и затолкал ее в свой джип.

– Он же вас бьет, Зина, – тихо произнес Гордеев.

Зина стряхнула пепел с кончика сигареты.

– Ничего страшного, – сказала она. – Я не отличаюсь умом; иногда меня стоит бить. Честно говоря, я совсем глупая. – Она затаилась. – А у Мишеньки два высших образования: ему лучше знать, когда и кого бить, вам не кажется? Иногда он рассказывает мне всякие умные вещи: прям заслушаешься. Знаете, меня заводят образованные мужчины. Вы меня тоже заводите; но вы на мне жениться не собираетесь, верно? А Мишенька собирается.

Гордеев не знал, что ответить. Я мертвая собака, хотел сказать он, собака с простреленной головой; ты выйдешь замуж за пса? В последнее время ему надоело сравнивать себя с мертвой собакой, но он всё равно сравнивал, как будто назло кому-то.

– У меня появился напарник, – сказал Гордеев, обращаясь больше к себе, чем к Зине. – Туповат, исполнитель, силен. У него есть одна забавная черта: он умеет понимать чужое горе. Скажите, Зина, а ваш Мишенька сумеет постигнуть ваше горе?

Зина не понимала, что он имеет в виду. На самом деле она ничего в жизни не понимала и не хотела. Когда-то она страстно желала выйти замуж, но это желание давно кануло в Лету; а ее теперешняя радость от скорой свадьбы – лишь рефлекс. Внутри Зина была как грецкий орех с усохшим ядром. Она что-то говорила, сама не понимая, что говорит, и что-то видела, сама не понимая, что видит. Она курила, не чувствуя вкус табака, и пила коньяк, который был топливом для ее усталых мышц. Гордеев вскоре понял, что говорит не с человеком, а с пустой скорлупой, наделенной обрывками воспоминаний. Он подумал, что Кошевой, вероятно, такой же, а его умение жалеть других – лишь внешнее проявление пустоты, которая в нем содержится. Может, все люди со временем становятся пустыми; одни раньше, другие позже. Возможно, размышлял Гордеев, скоро настанет и мое время. С грустью представил он будущее, в котором его прекрасный мозг усохнет, и он будет ходить в толпе таких же, как он, безмозглых теней, думая о повышении цен на картошку. Вскоре ему наскучило думать о будущем, и он стал выпроваживать Зину. Зина не хотела уходить. Она желала сидеть в кресле, потому что у нее устали

ноги; к тому же ей нравилось пить коньяк в номере у Гордеева. Гордеев не любил делиться коньяком, и всякий раз, когда Зина выпивала третью рюмку, немедленно гнал ее прочь. Зина давно заметила, что Гордеев прогоняет ее после третьей выпитой рюмки, и старалась наливать себе до краев, а содержимое третьей рюмки растягивала, как могла. Когда Гордеев приказывал ей покинуть номер, она начинала скандалить и утверждать, что выпила только две рюмки. Однако Гордеев не знал жалости. Зина же ради коньяка была готова на всё. Сегодня она пообещала Гордееву, что порвет с Мишенькой, если ей нальют еще рюмочку. Гордеев не наливал. Зина прыгнула в направлении бутылки, но задела ногой стол и уронила бокал. Бокал упал и разбился. Гордеев спрятал бутылку за спину. Зина опустила на колени. Ее истерический смех заметался по комнате. Гордеев взял пьяную женщину за руку и потащил к двери. Зина упиралась коленями в пол, цеплялась ногтями за стену. Гордеев отпустил ее и позвонил охране. Явилась охрана. Зина повисла у охраны на шее, хвастаясь скорым замужеством. Ишь разгулялась, добродушно сказала охрана, схватила Зину за волосы и потащила к лифту. Гордеев с печалью наблюдал, как пьяную женщину волокут по коридору. Зина видела, что Гордеев на нее смотрит, и пыталась заплакать, чтоб разжалобить специального человека; к несчастью, заплакать не получалось, потому что она не чувствовала ничего, кроме удовлетворения за хорошо проделанную истерику. В лифте она успокоилась, вытащила из сумочки зеркальце и стала приводить себя в порядок. Гордеев весь осунулся от абсурдности происходящего. Он собирался убрать осколки с пола, но поленился, а горничную вызывать не пожелал. Не зная, куда применить свой недюжинный ум, он нажрался коньяку и позвонил Кошевому, чтоб узнать, как у того получается искренне сочувствовать человеческому горю. Кошевой не мог ответить на звонок, потому что мучился от запора, сидя на унитазе. Гордеев же решил, что Кошевой не берет трубку, потому что презирает его за черствость и неумение сострадать. Шмыгая носом, Гордеев забился в угол. Ему хотелось стать маленьким, незаметным. Тоска разъедала душу, как кислота. Будет смешно, если кто-нибудь увидит меня, знаменитого сыщика, в таком плачевном состоянии, с грустью подумал он.

Эта мысль навела его на идею. Гордеев приоткрыл дверь, вызвал по телефону горничную, а сам снова забрался в угол. С замиранием сердца он ждал результата. Горничная заглянула в номер: простите, вы меня звали? Гордеев не отвечал. Горничная вошла внутрь. Ее тихие шаги звучали совсем рядом. Щеки Гордеева порозовели. Горничная остановилась перед ним: Гордеев увидел ее ноги в мягких тапочках и поднял голову, опять ничего не чувствуя, кроме скуки. Горничная смотрела на Гордеева без всякого интереса. Она повидала множество богатых клиентов на своем веку: все они сходили с ума по-разному. Ей был скучен очередной зажавшийся урод, скрючившийся на полу. Она повела носом: к тому же пьяный. Гордеев почувствовал себя глупо и встал.

– Чем могу быть полезна? – спросила горничная.

– Ничем, – ответил Гордеев.

– Очень хорошо, – сказала горничная. – Тогда я пойду.

– Совершенно верно. – Гордеев кивнул. – Спасибо, что откликнулись.

Он позвал ее, когда она готовилась перешагнуть порог:

– Простите...

Она обернулась:

– Да?

– Вы знаете, кто я такой?

Горничная покачала головой:

– Нет.

– Отлично, – сказал Гордеев. – Вы мне очень помогли.

Она кивнула:

– Рада была помочь.

Гордеев холодно улынулся.

Она вышла, сразу забыв о Гордееве. Ее больше занимал вопрос, получит ли в этой четверти сын трояк по математике или вытянет на четверку. Этот вопрос был скучен, как и вся ее жизнь, но горничная надеялась, что к концу жизни скука пройдет, и она поселится в собственном загородном доме с верандой. Сидя в кресле-качалке, она прочтет все или почти все книги в мире, а потом спокойно умрет, зная, что в мире не написано ни одной хорошей книги. Сына горничной звали Лёша. У Лёши в классе училась девочка по имени Женя Ермолова. У Жени недавно родился братик. Он постоянно кричал: Женя с ужасом и отвращением глядела на это сморщенное орущее существо. Мама таскала братика на руках, пытаясь укачать его, а папа вопил из кабинета, что ему мешают работать. О Жене, кажется, позабыли. Девочка тосковала. Когда братик засыпал в кроватке, она пыталась обратить на себя внимание, чтоб папа и мама вспомнили, что она тоже есть, ее зовут Женя, и она их дочь, но на нее шикали и требовали, чтоб несносная девчонка убралась подальше. Женя ложилась на кровать и тихо плакала. Приходила мать и злым голосом требовала, чтоб она редела потише; иначе она ее, мерзавку такую, прибьет. Раньше мама никогда не звала ее мерзавкой, и Женя редела громче. Приходил отец. Он что-то кричал, братик просыпался, и квартира взрывалась от воплей. Женя затыкала уши, мама неслась к братику и брала его на руки, а отец наклонялся к Жене и шептал: ты нарочно, маленькая дрянь, нарочно выводишь меня из себя, да? Его красные глаза и кривящиеся губы пугали Женю. Она отворачивалась. Отец брал ее за подбородок и поворачивал лицом к себе: ты понимаешь, что мне надо работать? Понимаешь, что если я не буду работать, то нам нечего будет есть? Ты любишь конфеты? Конечно, любишь, вон как отъела мордашку на сладеньком; а если конфет не будет, а? Что если конфет не будет? Женя не знала, что случится, если не будет конфет; однако она боялась, что у нее больше не будет любящих родителей. По ночам она вспоминала времена, когда была маленькой: мама приходила к ней в комнату, зажигала ночник и шепотом рассказывала смешную сказку. Женя хихикала. Мама щекотала ей пятки, а потом целовала в щеку и уходила, оставляя дверь приоткрытой, чтоб Женя не боялась темноты закрытого пространства. Эти дни ушли безвозвратно. В последнее время Женя почти не спала; ее сердце зажалось в тиски вечной боли.

Женин папа, которого звали Степан, по вечерам запирался в своем кабинете и сидел, обхватив руками голову. Он притворялся, что вопли маленького ребенка мешают ему работать, но на самом деле ему ничего не мешало работать, потому что с работы его уволили три месяца назад. Он боялся признаться жене, что у него больше нет работы. Каждый день он уходил из дому в восемь часов утра и возвращался в половине седьмого вечера. Он хотел найти новую работу и для этого шел в кафе с бесплатным вай-фаем. Садился у окна с чашкой кофе и ноутбуком; искал через Интернет новое место. Вернее, собирался искать. Каждый раз вместо сайта с объявлениями о работе он заходил на сайт виртуального покера и проигрывал крупную сумму денег. Сбережения подходили к концу. Степан поначалу нервничал, когда проигрывал, а потом ему стало неважно. Вместо покера он сидел на «Одноклассниках», каждую минуту обновляя страничку, потому что надеялся, что кто-нибудь ему напишет или поставит его фотографии пятерку. Но никто ему не писал и пятерок не ставил. Вечером Степан собирал ноутбук и шел домой. Дома его всё бесило: особенно Женя, которая, по его мнению, лезла куда не следует. Супруга Степана, которую звали Катерина, относилась к мужу с уважением, потому что считала, что Степан работает в поте лица, чтоб обеспечить будущее их детей. В восемь вечера Степан садился за пустой письменный стол, включал настольную лампу и больше ничего не делал. Ближе к одиннадцати, когда младенец, мучающийся газиками, засыпал, Степан выключал свет и шел в спальню к Катерине; ложился на спину и думал о том, какое беспросветное будущее их ждет. Он обещал себе, что завтра обязательно найдет работу, но вместо этого опять играл в покер или сидел на «одноклассниках». Со временем он стал заходить к своей престарелой матери и забирать у нее половину пенсии. Мать не возражала, потому что считала, что жизнь

ее всё равно окончена, а деньги в могилу не заберешь. Однажды она попросила Степана, чтоб он привел с собой невестку и внуков: хочется посмотреть на них перед смертью. Степан что-то пробурчал в ответ и в тот же вечер проиграл половину маминой пенсии в футбольный тотализатор. Он пошел в кабак и напился. Напившись, он ходил по улице и кричал, что он отличный менеджер и его не имели права увольнять. Кроме того, он утверждал, что он замечательный человек, а они все быдло, которое не в состоянии понять, какой он прекрасный работник: инициативный и трудолюбивый. На детской площадке Степан разогнал компанию подростков, глотавших «ягуар» из алюминиевых банок, и крикнул на весь двор, что он ни в чем не виноват, что так сложились обстоятельства и, конечно, не обошлось без происков недоброжелателей. Кто-то вызвал полицию, чтоб предотвратить пьяный беспредел: Степан еле унес ноги. Домой он вернулся в час ночи весь в синяках и царапинах; ноутбук где-то потерял. Ребенок вопил в кровати, сжимая кулачки и поджигая ножки. Катерина помогла Степану снять ботинки: она утешала, хлопотала, целовала мужа в небритую щеку; ее худые плечи тряслись, а губы дрожали. Из комнаты выглянула Женя, вся в слезах, одетая. Подошла к отцу, закричала:

– Папа, мама так переживала, где ты был?!

Катерина развернулась и влепила дочери пощечину:

– Не кричи на отца! Он работает не покладая рук; подумаешь, один раз напился!

Потрясенная дочь схватилась за щеку; слезы брызнули из темнеющих глаз. Степан заворочался на стуле:

– Правильно, не хрен... – Он сглотнул, пытаясь сдержать рвоту. – Дрянь маленькая, ишь какую морду отъела на папиных харчах...

Женя выбежала на улицу. Ночь наинула ей на плечи холодный плед. Фонари поливали асфальт электрической кислотой. Тонкий лед сковал края луж. Пелена черных туч надвинулась на сырую землю, как брошенное кем-то вскользь проклятье. Женя обняла себя за плечи; ее колотило. Она ждала, что за ней погонятся и вернут домой, но за ней не гнались. Облезлая кошка перешла ей дорогу и скрылась в кустах сирени. Сейчас я дойду до конца квартала и вернусь обратно, подумала Женя. Ей стало всё равно: пусть папа и мама не любят ее, плевать. Она проживет жизнь в одиночестве. Многие так живут; и она сумеет. Холод забирался под джинсы и тонкий свитерок. Теперь в моем сердце поселится вечная мерзлота, подумала Женя. Иногда она любила думать красиво; вообще же думать она не любила, предпочитая чувствовать, как все девочки ее возраста. Вот и конец квартала. Женя решила пройти еще один квартал, чтоб замерзнуть посильнее. Может, тогда ее, озябшую, шмыгающую носом, наконец, пожалеют. Она перешагнула трамвайные рельсы, блеснувшие отраженным электрическим светом, и свернула в темный переулок. Весной здесь было красиво, цвела вишня, а у обочины росли одуванчики. Октябрь превратил переулок в мрачное место. Под ногами хлюпала грязь. Фонари не горели. В окнах отражался слабый небесный свет.

За низким забором детского сада в кустах кто-то шуршал. Девочка подумала, что это бездомная собака, и подошла посмотреть. В душе Женя надеялась, что собака укусит ее за ногу, и она вернется домой бледная, истекающая кровью. Родители поймут, как были не правы, что обижали бедную девочку, обнимут ее крепко-крепко и напоят горячим чаем. Фигура в кустах выглядела побольше собаки. Женя позвала: эй! Фигура поднялась. Женя спросила: что вы тут делаете? Она уже жалела, что позвала фигуру. Фигура молчала. Женя сказала: извините, что помешала. Фигура подступила к ней. Женя пошла прочь. Она услышала за спиной шаги и побежала. Сначала ей было страшно; потом она споткнулась, упала, и страх ушел. Она лежала на холодной земле и думала, что нет большой разницы, умрет она здесь или медленно угаснет в одиночестве среди родных. Кто-то потрогал ее за плечо. Женя ничего не сказала, только съежилась и приготовилась. Сначала ей было больно. А потом – нет.

Когда к Ермоловым пришли из полиции, Степан как раз блевал в туалете, размышляя о сосущей пустоте, которая образовалась на месте его сердца. Катерина стояла молчаливая,

с притихшим младенцем на руках. Степан взял себя в руки и больше не блевал. Когда полицейские ушли, он обнял Катерину и рассказал ей правду. Что у него давно нет работы. Что он ей врал. Что он пропил почти все сбережения. Что ему жаль. Он ждал, что жена заплачет и скажет, что, конечно, прощает его; они пройдут через это жизненное испытание вместе. Но она ничего не сказала. Он опустился перед молчащей женой на колени и иступленно гладил ей ноги. Его маленький сын смотрел на него сверху и сосал пальчик. Я найду новую работу, обещал Степан. Поставлю на ноги сына. Сберегу вас. Катерина ушла в спальню – собираться. Младенец молчал. После исчезновения сестры он больше не кричал; ни разу.

– Я сделаю так, что мы снова будем счастливы, – сказал Степан. – Верь мне!

В тот же вечер Степан проиграл остатки сбережений в очко. У него было предчувствие, что он выиграет по-крупному, но он проиграл всё до копейки. Обессилив от неудач, Степан поехал к маме. Мама помогла сыну раздеться, накормила и уложила в постель. Степан жаловался, что в семье его не понимают, жена злая и именно из-за нее пропала дочка. Всё плохо. Он старается изо всех сил, чтоб увидеть лучик света, но никто его не поддерживает. Мама гладила Степана по голове. Ее старые глаза плохо видели, а думать она почти разучилась; знала только, что к ней вернулся сын, которого она воспитывала в одиночестве, и он нуждается в ее помощи. Утром позвонила Катерина. Она попросила Степана вернуться домой: слишком много дел им предстоит, и она не в состоянии разобраться с ними сама. Степан завопил: я никогда не вернусь туда, где меня не любят, слышишь? Он швырнул трубку на пол, прыгнул в постель и залез под одеяло с головой. Он лежал, спрятавшись под одеялом, и тихонько спал. Из-за туч выглянуло солнце. Полоса света упала на постель и нагрела ее. Было тепло и уютно лежать, зная, что мама приготовит тебе поесть и сварит кофе, принесет тапочки, погладит по голове и не скажет ничего против: можно просто лежать и спать, лежать и спать, и ничего не делать. И вот он лежит и спит, лежит и спит, лежит и спит и больше ничего не делает. К стеклу прилип желтый тополиный лист, края листа трепещут на ветру как крылышки моли, а Степан храпит во сне, и такое чувство, что этот человек никогда уже не проснется.

Глава десятая

Меньшов любил рассказывать коллегам историю, как он, будучи студентом университета путей сообщения, спас девушку от изнасилования. Никто ему не верил. Меньшов и сам себе не верил, потому что это была одна сплошная выдумка, если не считать пары деталей. Но он всё равно рассказывал, украшая историю всё новыми подробностями. И хоть коллеги не верили Меньшову, им восхищались, а некая замужняя женщина из бухгалтерии тайно по нему томила. Самые предприимчивые коллеги, сообразив, что байка Меньшова имеет успех, тоже начали выдумывать себе подвиги: кто-то набил морду наглому гаишнику, кто-то вынул из петли друга, кто-то здоровался за руку с президентом или, наоборот, смело плюнул президенту в лицо. Этими историями восхищались, но не так сильно, как историей Меньшова. Меньшов, как основатель традиции рассказывать байки, задирал нос. Вскоре ему надоело слушать о чужих подвигах, и он начал критиковать их за явную недостоверность. Коллеги Меньшова замолкали на полуслове. Кто-то порывался сказать: но ведь твоя история тоже ложь! В ответ на это Меньшов презрительно кривил губы и уходил, не говоря ни слова. За глаза он называл последователей эпигонами, хоть и не знал точно, что это слово означает. Коллеги, задавленные чужим авторитетом, перестали рассказывать о своих подвигах. Для упрощения единственной реальной историей признали байку Меньшова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.